

**МАСТЕРА
ПСИХОЛОГИИ**

Р. М. Грановская

ПСИХОЛОГИЯ ВЕРЫ

2-е издание

The book cover features a surreal landscape. A man in a dark suit stands on a small patch of green grass on the left, looking towards a massive, white, wavy ribbon that starts on the ground and rises into the sky, ending in a white dove with its wings spread. The background consists of a blue sea, a blue sky with white and grey clouds, and a small white boat on the water. The entire scene is framed by a thin gold border.

ПИТЕР

Рада Михайловна Грановская

Психология веры

Серия «Мастера психологии»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=425422

Р. М. Грановская Психология веры: Питер; Санкт-Петербург; 2010

ISBN 978-5-49807-490-0

Аннотация

В книге известного российского психолога профессора Рады Грановской вера рассматривается как опора человеческих стремлений и потребностей. Показано воздействие мировых религий на формирование человеческой психологии, вскрыты глубинные связи между силой веры и развитием человека. Анализируется влияние веры на мировоззрение, психическое здоровье и этику современного человека. Используются обширные материалы, накопленные мировыми религиями, исторические и религиозные, посвященные основоположникам и канонам различных верований, международный и отечественный опыт в области общей психологии. Второе издание монографии (предыдущее вышло в 2004 г.) переработано. Для психологов, педагогов, философов и студентов профильных факультетов высших учебных заведений.

Содержание

Введение	4
Часть I. Психологический аспект основных религий мира	41
Глава 1	41
Об индуистских богах	41
Канон – Веды	49
Представление о мироздании	61
Мораль и нравственность	75
Учение о кастах	89
Обряды и ритуалы	100
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Рада Грановская

Психология веры

Введение

*И если вы приветствуете только братьев
ваших, что особенного делаете?
Мф. 5, 47*

С глубоким волнением и множеством сомнений начинала я эту книгу. Нет числа великим умам, бившимся над проблемами веры. Ведь это целый мир, и автор поневоле чувствует себя муравьем, которому предстоит взобраться на одну из самых высоких гор. Единственное облегчение, да и то слабое, – это то, что я решаюсь взглянуть на религию исключительно со своих профессиональных позиций психолога и делаю попытку ответить лишь на некоторые вопросы. Чем же отличаются и в чем сходны мировые религии? Какие же *душевные потребности* удовлетворяет вера? Почему она так важна для человека? Способен ли человек без высших ценностей оставаться человеком? Наконец, почему в переломные, самые тяжелые периоды жизни как отдельных личностей, так и целого народа наблюдается ощутимый поворот в сторону веры? Та к много вопросов и так важно ответить на них сегодня.

Почему сегодня и почему мне, психологу?

На последний вопрос ответить, пожалуй, несколько проще. Наша страна, значительная часть ее народа переживают сейчас трудный период. Первое, что бросается в глаза в бытовом общении, – это непривычный для наших сограждан дефицит доверия между людьми. Кроме того, возникло ощущение хаоса в обществе, страх насилия, обострились экологические проблемы. Понятно, что никакие богатства и комфорт жизни не смогут принести нам мир и счастья, если не будет необходимого доверия между согражданами. Иными словами, изменения происходят не только в общей картине мира, но и в психике отдельного человека. Глубинные изменения в обществе приводят к необходимости пересмотреть свои представления о смысле жизни, осознать свою ответственность за будущее близких людей и всей страны. Обращая свои взоры к тем благополучным странам, где восхваляются достижения цивилизации, мы замечаем, что и у них процветают расовые предрассудки и то и дело вспыхивают религиозные разногласия. Отсюда становится понятным, что до тех пор, пока мы не воспитаем взаимное доверие и терпимость, не будет сделан решающий шаг к достижению душевного равновесия ни внутри страны, ни мира между народами.

Такие глубинные изменения тесно связаны с осознанием проблем смысла жизни и личной ответственности. Долгие годы эти важные проблемы стояли перед нашими соотече-

ственниками не столь остро и совсем в ином плане, чем теперь, и поэтому не вели к нервному перенапряжению. Теперь провоцирующими факторами такой перегрузки выступают прежде всего неуверенность в завтрашнем дне, социальная и экономическая нестабильность. Именно они, являясь причинами дестабилизации психики, и побуждают к поиску опоры, защиты.

В наши дни социальная среда стала предъявлять большинству людей повышенные требования. Многим не под силу адаптироваться, справиться с новыми проблемами самостоятельно. (Это всегда происходит в периоды крушения старых идеалов и традиционного уклада жизни.) В этих условиях в практическую психологию и психотерапию устремилась целая армия дилетантов. Они первыми ринулись в громадный прорыв и объявили себя способными решать любые проблемы. Это и руководители новоиспеченных сект, экстрасенсы, колдуны, астрологи, и разнообразные мистические целители. Многие беззастенчиво принялись эксплуатировать возникшую потребность. Как ни горько это сознавать, они первыми почувствовали, что наступил как раз тот момент, когда каждому лично и всем вместе необходима поддержка. Так, все мы стали свидетелями печальных последствий привлечения молодежи в тоталитарные секты, а оглядка на предсказания астрологов стала буквально повальной. При этом важно понимать, что подобные эпидемии влияния астрологии поддерживаются острым ощущением своей зави-

симости от чего-то непонятного и неуправляемого.

Кто и как должен отвечать на такой запрос общества?

Представляется, что решение части проблем должно лечь на плечи психологов. Мы (в первую очередь) должны иметь дело с практическими надобностями. Если вопрос мировоззрения стал и психологической проблемой, то необходимо им заниматься. Вся научная и практическая деятельность психолога постепенно подвела меня к такому выводу. Действительно, что является центральной проблемой для практического психолога? Помощь человеку в его конкретных жизненных трудностях. Каковы же они? Оказывается, что при всем разнообразии жизненных ситуаций и судеб типовых проблем не так уж много.

- Как улучшить отношения с окружающими людьми?
- Как пережить недуги и неудачи близких людей?
- Как найти смысл жизни и сделать ее и лично значимой, и общественно полезной?

Способы решения этих проблем во многом определяются и тесно связаны с возможностью преодоления подсознательных психологических барьеров и осознанных стереотипов, а также социальных защит. Способам решения таких проблем посвящены некоторые из моих книг: «Элементы практической психологии» (83), «Творчество и преодоление стереотипов» (82), «Защита личности» (84), «Психологическая защита».

Итак, сегодня резко повысилась необходимость в разных

формах адаптации, но почему это должно быть связано с религиозной верой? На этот вопрос я могу ответить по-разному. С позиции практического психолога и преподавателя. Прежде всего вспоминается, что уже в течение последних пятнадцати лет я отчетливо ощущаю нарастающую потребность своих слушателей в прояснении психологических аспектов веры. По сложившейся традиции, заканчивая чтение курса лекций по практической психологии для студентов, инженеров, аспирантов, преподавателей вузов и руководителей, я проводила опрос. В нем среди других обязательно присутствовал вопрос о тех проблемах, которые актуальны, но не нашли достаточного отражения в прочитанном курсе или вообще в нем не затрагивались. Ответы – достаточно красноречивы. Они звучали как набат.

«Помогите понять, во что сейчас можно верить? Мы потеряли веру в...» и затем длинный список, который можно не приводить, так как он достаточно хорошо известен каждому.

«Потеряв веру в идеалы, людей или себя, мы вместе с тем теряем и уверенность в будущем. Мы ощущаем потерю опоры под собой. Что делать?»

«Мы не имеем внутренних, душевных сил взяться за что-то новое, поскольку думаем, что и это может оказаться ненадежным. У нас опускаются руки, и ничего не хочется. Мы переживаем глубокий душевный кризис!»

Совершенно очевидно, что подобные проблемы – это призыв к психологу. Вместе с тем в наши дни многие люди, не

воспитанные на религиозных понятиях, оглядываясь вокруг себя, видят, что люди, искренне верующие в Бога, в ситуации душевного кризиса оказались психически устойчивее. Почему? Одна часть из них, не обременяя себя поисками ответа на этот вопрос, кинулась за помощью в церковь, как раньше в партбюро. Подобная одномоментная замена атеистического сознания сознанием религиозным для многих означала лишь смену разновидности *конформизма*. Ведь как бы яростно ни отрицали они это сейчас, именно там в течение долгих лет эти люди привыкли находить разъяснения, «как следует осмыслить» то или иное событие общественной жизни. В новой ситуации они особенно остро почувствовали отсутствие и внешних, и глубинных душевных опор, и этот дефицит породил ощущение потерянности.

Так или иначе, но в поисках поддержки и опоры немалая часть наших сограждан стала обращаться к религиозной вере. Заметим, что если одна часть – это обратившиеся за помощью к вере – искренни, то другая устремила свои взоры к религии из чисто корыстных побуждений. То, что принимали за атеистическую убежденность, у большинства людей из этой группы в действительности оказалось безразличием к вопросам и религии, и атеизма. Многие из них теперь, обращаясь к вере, не теряют надежды получить за это различные льготы и блага, как раньше они получали их от партии. У них оживлению интереса к религии сопутствует и своеобразная реакция, напоминающая качание маятника. Если рань-

ше они однозначно негативно оценивали ее, то теперь впадают в другую крайность. Подобный подход поддерживается и средствами массовой информации, способствующими распространению представления о религии только как о носителе духовности и нравственности. Неблаговидные исторические факты и сомнительные социальные функции церкви теперь тщательно отодвигаются на задний план, затушевываются.

Те, кто искренне обратил свои взгляды в сторону веры, начали догадываться, что религия предполагает не только защиту и объяснение идеи личной ответственности, но и содержит программу перестройки человеческой судьбы. Она показывает, что сам человек в той или иной степени несет ответственность как за прошлое, результаты которого сказываются в настоящем, так и за будущее, в котором он сам подготавливает решение своей судьбы. Кроме того, она удовлетворяет потребность многих иметь не только некоторую систему мышления, но и объект поклонения, который придает смысл существованию. А когда человек уверен, что в его жизни существует смысл, он находит в себе силы и может возвыситься над самыми неблагоприятными условиями. Тогда он способен осознать, что ему требуется не только снятие напряжения любой ценой, например за счет наркотиков, агрессии или секса, и даже не просто достижение душевного равновесия, а устремленность к духовному развитию за счет непрерывного движения к цели, составляющей для него смысл

жизни.

Опыт показывает, что однажды обретенный смысл жизни может меняться, но, раз появившись, уже не исчезает. Однако достигнуть его, замкнувшись внутри своих проблем, удерживая центр интересов только на собственной психике, невозможно. Его находят во внешнем мире, двигаясь тремя путями: совершая определенные поступки, переживая любовь как ощущение единства с другими людьми и (или) испытывая страдания. Знаменательно, что в рамках каждой из религий мира есть решения всех из перечисленных выше проблем.

Принципиально иные позиции занимает в данном вопросе наука.

В нашей стране на протяжении десятилетий она провозглашалась единственной опорой. Какова теперь ее роль и влияние на мировоззрение человека? Начнем с того, что наука и религия занимают в интересующем нас вопросе – о смысле жизни – разные позиции. Научная теория пытается подойти к истине путем последовательных приближений и поэтому не может быть догматичной. Наука, как известно, стремится к развитию общих методов упорядочения общечеловеческого опыта, его знаний о *внешнем* мире, а религии возникают из стремления способствовать гармонии взглядов и поведения *внутри* сообщества людей. В религии знания, которыми обладают члены общества, вкладываются в некоторую уже готовую структуру, содержание которой составля-

ют ценности и идеалы, положенные в основу веры. Поэтому внутренняя связь между наукой и религией до тех пор мало привлекала к себе внимание, пока не выяснилось, что наука не принесла новых принципиальных подходов к выбору жизненного пути.

Ситуация обострилась, когда выяснилось, что наука, во многих отношениях преуспевающая и находящаяся в тесном соприкосновении с действительностью, мало способна ответить по существу на животрепещущие вопросы, связанные с выбором жизненного пути. Решение этой задачи на основе научных знаний осложняется тем, что, располагая доказательным, самым достоверным подходом к истине, наука учит, что мы и наш мир – всего лишь продукты счастливой случайности, совершенно лишенные целеполагающих принципов или конечного смысла. Она настаивает на отсутствии действительной свободы воли или выбора и, следовательно, какой-либо действенности морали. Она утверждает, что все сознательное содержание жизненного опыта – это продукт деятельности мозга, никак не влияющий на ход событий в реальном мире (183, с. 25). Такой вывод не отвечает нравственным представлениям человека. Идеи осмысленности мироздания и морального закона относятся к неискоренимому фонду человеческой души.

Соотношение веры и интеллекта все время изменяется. В последние годы можно часто слышать и читать о бессилии интеллекта по сравнению с властным убеждением веры,

опирающейся на глубинные пласты психики. Однако этому бессилию и этой слабости присуща некая особенность: голос интеллекта тих, зато не смолкнет, пока его не услышат. Это один из немногих постулатов, который дает возможность оптимистически взглянуть на будущее человечества. Пока трудно говорить о примате интеллекта в нашей жизни, такое положение еще далеко, но все же, по всей вероятности, не бесконечно далеко. И интеллект когда-нибудь поставит себе те же цели, осуществления которых ждут от Бога. Цели эти – любовь к человеку и ограничение страданий. Поэтому допустимо сказать, что соперничество их лишь временное и не может рассматриваться как непримиримое.

Кроме фундаментальных трудностей в определении жизненного пути осознанию ограниченных возможностей науки, снижению ее авторитета способствуют ее просчеты, приведшие к нарушению среды обитания и потребностей человека. В наши дни стало достаточно очевидным, что быстро нарастающие недуги человечества не излечить только лишь развитием или совершенствованием науки и техники. Несмотря на очевидные успехи современной техники ее достижения обычно сводятся на нет непрерывно растущими запросами каждого и увеличением общей численности человечества. Парадокс положения заключается в том, что практически все, что обеспечивает лучшую жизнь и процветание человечества на короткий период вместе с тем одновременно ускоряет и усугубляет его конечное падение, а возможно,

и исчезновение.

Речь идет не только об *угрозе существованию человечества* в крайне истощенной, вырождающейся экосфере. Рост народонаселения явно и неявно ведет к *деградации гуманности* и все более превращает отдельную личность в предмет потребления. Наше представление об уникальности человеческой жизни, ее значении, ценности и непостижимости подвергается постепенной, незаметной, но неотвратимой эрозии. Существенно, что этот процесс развивается на фоне безграничного роста индивидуализма, что особо пагубно для человеческой природы. В итоге усиливаются скептицизм и пессимизм, возникает самоотрицание. Человек, не имея опоры за пределами своей жизни, ищет опору утверждаемых ценностей только в самом себе, отталкиваясь при этом от представления об их случайном характере. Это прямая дорога к углубляющемуся разочарованию во всех формах рационализма, поддерживаемому перенесением центра тяжести интересов с внешней стороны жизни на внутреннюю, духовную жизнь.

Разочарование на некотором пороговом уровне своего развития ведет к *пробуждению мечты* об утраченной целостности духовного бытия. Тем более что даже переход к внешнему благополучию не исключает неизлечимых страданий. Насыщение всем необходимым хотя и может выступать как один из источников счастья, который нельзя недооценивать, однако свои требования выдвигает и внутренний мир

человека, и подчас его не удается утолить никакими внешними благами. И чем слабее внутренний голос, доносящийся сквозь шум погони за материальными удовольствиями, тем вернее он выступает как источник необъяснимого злополучия и непонятных несчастий в условиях жизни, позволяющих надеяться как будто на нечто совсем иное.

Даже на вершине своих материальных достижений человек не защищен от тяжелого переживания – отчуждения от самого себя. Он все отчетливее видит, что изобилие ведет к болезни (получившей название «галопирующего потребления».) Оказалось, что чем большим количеством материальных ресурсов он обладает, тем больше боится бедности. Кроме того, все чаще его начинает тревожить мысль, что жизнь утекает сквозь пальцы, как песок. Он начинает понимать, что, находясь среди изобилия, он тем не менее не знает радости. Тогда перед ним может встать задача как-то изменить свою жизнь для обретения не только душевного здоровья и благополучия, но и высшей цели. Именно в этом смысле его проблему можно сформулировать как достижение «полного рождения», когда жить означает рождаться каждую минуту (286, 291, с. 22). Здесь можно напомнить, что клеточная система человека, развиваясь, находится в состоянии постоянного рождения. Психологически же для большинства развитие в некоторый момент прекращается, и человек продолжает жить физиологически, в то время как его духовное развитие остановилось. Для таких людей трагедия состоит в том,

что они умирают еще до того, как «рождаются полностью».

Попадая в столь трудное положение, человек обнаруживает, что наука не помогает ему найти ответ на вопрос о своем существовании, ответ, который не противоречил бы достижениям современного мира: его рациональности, реализму, независимости. Из этого положения имеется по крайней мере два выхода. Один состоит в том, чтобы преодолеть изолированность и найти согласие, вернувшись к состоянию единства, характерному для раннего, «досознательного» периода жизни человека. Как говорят, «не следует задумываться», лучше просто плыть по течению. Другой подразумевает «полное рождение», углубление сознания, развитие разума, своей способности любить до такой степени, чтобы выйти за рамки своих собственных эгоистических проблем и достичь новой гармонии, нового единства с миром. Из сказанного становится понятным, что многие из наблюдающихся сейчас негативных явлений объясняются не тем, что человек не удовлетворяет свои потребности, а тем, что сами эти *потребности перестают удовлетворять* человека.

Постепенно человек осознает важность того, чтобы основные преобразования жизни касались тех воззрений и ценностей, которыми он живет и руководствуется. На этом пути для него и вырисовываются причины необходимости обретения религиозной веры. Он надеется, что она поможет ему восстановить глубинное *психическое равновесие*, приобщиться к общечеловеческому или планетарному сознанию. Одна-

ко для движения по новому пути необходимо коренное *изменение взглядов* с переориентацией социальных ценностей на долгосрочные приоритеты, направленные на сохранение растущего качества жизни не только для этого, но и для *будущих* поколений. Например, многие из нынешних как бы естественных и гуманистических, перспектив могут превратиться в свою противоположность в контексте более долгосрочных интересов, учитывающих права и благосостояние будущих поколений.

Как же такие общие понятия включаются в личный мир человека?

Представления современной психологии о роли высших идеалов и ценностей в модели мира обнажают упрощенность заключений об основополагающем значении науки в жизни человека. Обсуждая конкретные достижения науки, обычно упускают из виду, что для каждого отдельного человека наиболее важными из научных воззрений являются не те, что вскрывают механизмы реальных процессов мироздания или касаются обычных повседневных забот и основных средств существования, а те, которые находятся на вершине иерархической структуры системы его ценностей – религиозно-философские представления высшего порядка, те, ради которых он живет и за которые может умереть. Они касаются цели и смысла его жизни, веры в Бога, роли человеческой психики в космической системе. Сделавшись социальными нормами, подобные представления определяют

культурный смысл ценностей, понимание морали, существа социальной справедливости. Как считал Э. Фромм (291, с. 24), сила доминирующего мировоззрения и связанная с ним система убеждений, определяя образ мышления людей, их ценности и их решения, направляет ход истории.

Вместе с тем, обсуждая роль и влияние на мироощущение человека высших ценностей, важно всегда помнить, что сами они не абсолютны, не установлены раз и навсегда как законы природы. Напротив, человеческие ценности эволюционны, взаимосвязаны и обусловлены ситуациями, в которых они развиваются. Множество примеров из истории показывает, насколько фатальной может оказаться приверженность неизменным ценностям в быстро меняющемся мире. Поэтому странным представляется утверждение, что существует только одна истинная религия. Скорее можно сказать, что *все религии истинны* как проявление совести, различных сторон развития человеческого духа, который взбирается к вершинам своего бытия. Все они истинны, поскольку порождены искренним чувством. Здесь важно не упустить из виду, что европейская культура веками направлялась установкой движения по пути завоевания мира – экстравертному, где ценность человека определялась его внешними достижениями. Результатами такой установки явились успехи «любой ценой». Только в этом смысле можно говорить, что культуры с интровертной установкой, например индийская, остались позади в эффективности преобразования окружающего ми-

ра. Но есть еще и внутренний мир, где отстают европейская и американская культуры. Тем более что реализация фантазий по завоеванию мира не принесла ожидаемого счастья.

В этом плане несхожие элементы мировых религий лучше воспринимать как основу для постоянного движения человечества вперед в его исканиях нравственной просветленности. Несовпадение в религиях не дает людям увязнуть во внешней, формальной стороне своей религии, а значит, они продолжают духовные поиски. Еще раз отметим, что для психолога, в отличие от философа, существенное значение имеет не вопрос о том, истинны или ложны основные положения религии, а вопрос о том, как эти верования влияют на поведение и мироощущение людей. Для него религия предстает в контексте человеческой психики и особенностей религиозной мотивации.

Такой психологический подход не только представляется мне правильным по существу, но имеет и дополнительный, серьезный практический аспект. Он создает предпосылки для приобретения навыков мировоззренческого диалога, овладения искусством понимания людей, чей образ мыслей является существенно иным. Появляются условия, когда мысль одного человека постепенно втягивает другого в свою атмосферу, не пугая и не отталкивая его резкой односторонностью мнений. Тем самым строится платформа для избегания догматизма и авторитаризма с одной стороны, и нигилизма – с другой. Излагаемая позиция проясняет сред-

ства реализации свободы совести и тем способствует становлению гражданских позиций личности. Ведь никого нельзя научить религии, она может рождаться только изнутри, а не сообщаться извне.

Вместе с тем нет человека, который был бы совершенно чужд задатков к религиозному духу. Как отмечал К. Г. Юнг (332, с. 22), история свидетельствует, что религиозные представления обладают величайшей эмоциональной и внушающей силой. Кто-то может искренне придерживаться убеждения, будто он не имеет никаких религиозных идей. Однако никто не может настолько выпасть из человечества. Где-нибудь и он, там или сям, вслух или втихомолку, одержим какой-то вышестоящей идеей. Уже исходя из этих соображений видно, насколько велика роль данного подхода и для утверждения гуманистических ценностей современного мира, обеспечения гражданского согласия, гармонизации межчеловеческих отношений.

Почему за ответами на глобальные вопросы человек обращается к вере? К сильным сторонам религиозной морали и этики можно отнести существование в них ответов именно на фундаментальные вопросы. Причем ответы не только есть, но при освещении даже самых сложных нравственных проблем они достаточно *просты*. Одновременно с сохранением их простоты сохраняется их своеобразная целостность. Поэтому вера может выступать как инструмент, позволяющий понимать события, устанавливать их связь с «нормаль-

ной» ситуацией, что и обеспечивает *возможность противостоять хаосу и конструировать наполненный смыслом мир*. Вместе с тем способность организовать упрощение восприятия внешней среды порождает положительное эмоциональное переживание. Неудивительно, что упорядочивающие мир ответы на основные вопросы нравственной жизни способны вызвать определенную эмоционально-психологическую умиротворенность («Все не так страшно, все не так сложно!»).

Опросы показывают возрастающую потребность в религии. Так, по данным Аналитического центра РАН, 88 % опрошенных отметили, что современному обществу религия необходима. В 1992 г. в Петербурге считали себя верующими 28 %, в Ленинградской области – 45 %. Уже через год, в 1993 г., число называющих себя верующими выросло до 53 %. В том же году в Москве эта цифра составляла 54 %. Аналогичные данные были получены и в других городах. Так, если в 1990 г. только 20 % жителей Рязани признавали себя верующими, то в 1994 г. – уже 54 %. Существен и приток молодежи. В ряде регионов, наряду с гражданами старше 60 лет, наибольшее число верующих составляет возрастная группа от 18 до 23 лет.

Выразителен рост религиозности граждан в целом по стране. Если до 1985 г. верующими считали себя 20 % опрошенных, в 1990 г. – 40 %, то в конце 1994 г. уже 61 % опрошенных. Эти изменения подтверждаются и тем, что в по-

следнее время увеличивается число участников культовых обрядов. Так, число крещеных (от общего числа родившихся) возросло с 13,4 до 35,4 %, а венчавшихся – с 3 до 5,5 %, умерших, отпетых в храмах, – с 12,8 до 16,6 %. В последние годы уровень религиозности взрослого населения страны имеет положительную динамику и достиг к 1995 г. 65 % (73, с. 226). Тем не менее появились основания считать, что уровень религиозности достиг своего максимума и наметилась тенденция к его снижению.

Так или иначе, в наши дни наблюдается значительное оживление интереса к вере. Надолго ли это? Может быть, когда мы станем жить лучше и богаче, наши соотечественники снова станут атеистами? Эта достаточно сомнительная идея разбивается о некоторые любопытные факты. Известно, что США достаточно богатая страна, однако не так давно, в 1984 г., Национальная академия наук США издала брошюру «Наука и креационизм». В ней отмечалось, что «религия и наука – отдельные сферы человеческой мысли, чье присутствие в одном и том же контексте ведет как к непониманию научной теории, так и религиозных воззрений» (183, с. 25).

Отношение к религии быстро меняется. Вместе с тем, для того чтобы, выполнив свою функцию, она улучшила душевное состояние человека, ей необходимо вписаться в современную культуру со всем ее критицизмом и рационализмом. В противном случае внутренние противоречия между ними вновь будут порождать у человека душевный диссонанс. По-

этому и необходимо, чтобы, сохраняя себя, религия нашла такие формы своего проявления, которые позволили бы ей войти в резонанс с современными культурными запросами отдельного человека.

Вероятно, истина, в частности, состоит в том, что существование «зоны иррациональности» – это факт, эмпирическое обобщение, не противоречащее человеческому опыту. И, оставаясь на научных позициях, необходимо его признать. Следовательно, возникновение разнообразных толкований этой иррациональности допустимо признать естественным этапом развития нашего мира, развития человеческого сознания, мирового интеллекта. Но коль скоро мы принимаем такую позицию, то как следствие мы должны включить существующее многообразие вер в нашу культуру как ее неперемный элемент.

В чем корни разнообразия? В уникальности каждого человека, и культуры, в среде которой он живет. Они проявляются в его чувствах и способе созерцания бесконечного: отсюда и многообразие религий, которое выступает не как случайное несовершенство, а как необходимое и ценное выражение самой природы человека. Может быть люди не настолько похожи друг на друга в своих высших потребностях, что одни и те же религиозные побуждения годятся для всех? Или может быть как различны люди, так для одних лучшей является религия утешения и ободрения, а для других – угроз и устрашения? Разнообразие религий чрезвычайно

важно для того, чтобы каждый мог отыскать религию в той форме, которая больше всего соответствует заложенному в его душе смутному задатку. Поэтому человеку так важно сознавать, что возможны такие религиозные воззрения и ощущения, которые столь же священны, как его собственные, и все же совершенно отличные от привычных и понятных ему и даже для него недоступные.

Каждая религия мира есть законное звено в той бесконечной цепи, которая образует недостижимую полноту созерцания бесконечного. Эти религии всегда остаются незавершенными и, следовательно, всегда развиваются.

Изучение религий мира показывает, что как люди отличны по своим возможностям, так и религии отличаются по тому, какие идеалы они выдвигают на первое место и какие формы действий поддерживают. Поэтому так важно со всем уважением и вниманием их рассмотреть. При этом обнаруживается противоречивая ситуация. С одной стороны – увеличение тяги к вере, в которой религиозная мораль предполагает нравственную ответственность человека за совершенные деяния (прежде всего перед всевидящим Богом), с другой – не уменьшается, а нарастает острота межконфессиональных конфликтов. Разобщение усиливает то обстоятельство, что религии, основанные на определенной культуре и ее традициях, имеют тенденцию к исключению иных культур и точек зрения. Это приводит к акцентированию разного происхождения и остракизму представителей иной веры.

К сожалению, в наше время наблюдается обострение национальных конфликтов, опирающихся на непримиримые тенденции представителей различных конфессий. Эти конфликты имеют столь тяжкие нравственные и культурные последствия (не говоря уж о людском горе, разбитых и выселенных семьях), что некоторые слои доброжелательных и глубоко порядочных людей встали на путь «единой» веры – *экуменизма*. Этот термин используется теми, кто надеется преодолеть разделяющие препятствия на пути единого мирового религиозного сообщества, предлагая общую для всех религию. Известно, что эта идея далеко не нова. Еще в середине I тысячелетия до н. э. глубокий кризис потряс цивилизации. На смену старым верованиям пришли новые – мировые религии, которые во многом изменили облик мира и убедительно показали родство между самыми отдаленными очагами культуры. Осознание общности базовых представлений привело к тому, что за последние сто лет неоднократно возникали попытки построить религиозную систему, которая бы включала в себя все или по меньшей мере большинство верований человечества.

Центральным моментом доктрины *экуменизма* является попытка доказать, что Бог един, а различные религии представляют лишь *различные пути к Нему*.

Как говорил Рамакришна: «К резервуару ведут несколько лестниц. С одной стороны черпают кувшинами воду индусы... с другой кожаными мехами мусульмане, с третьей ча-

шами – христиане. Станем ли мы утверждать, что эта вода разная? Это просто смешно. Существует одна вода, она носит только разные имена. И все ищут одну и ту же сущность, меняется только климат, темперамент и имя... Пусть каждый следует своей дорогой. Если он искренне, страстно желает познать Бога, пусть не тревожится. Он достигнет».

Однако пока что-то не заметно, чтобы эта прекрасная идея завладевала массами, конфликты все разгораются. В чем же дело? Может быть, прошло мало времени и через сколько-то лет все успокоится? Мне представляется, что в обозримом будущем такое развитие событий маловероятно. Эта замечательно красивая идея, скорее всего, пока не жизнеспособна, так как она не учитывает психологию современного человека, для которого исключительно важен свой путь, путь его предков, оставивших ему в наследство архитипические представления, традиции и свое понимание мира. Нельзя не учитывать, насколько глубоко уходят корни каждого верования в породившую их почву. Поэтому, призывая заимствовать только лучшее и полезное из каждого учения, нельзя будет воспользоваться привнесенным опытом, так как он лишится исконной питательной среды. Отсюда большинство людей – приверженцы своей религии. (Конечно, есть множество прозелитов, но пока мы не будем об этом говорить, так как вряд ли сегодня это магистральный путь решения проблем.)

Что обретает верующий? Как известно, принадлежность

к некоей вере дает человеку внутри ее рамок нормы и традиции, обряды и принятые образцы поведения. Если человек живет в соответствии с ними, то он существенно снижает вероятность конфликта с окружающими. В той мере, в какой человек разделяет глубинные символы веры, он имеет опору в самые опасные и тревожные моменты своей жизни. Вера создает для его психики массивную защиту, позволяющую выдержать испытания без разрушения личности. Кроме того, система представлений данной религии предлагает человеку совокупность идеалов, следуя которым он может не только понять смысл своего существования, но и направить свою жизнь к великой цели. Помогая человеку, каждая религия вносит свои акценты.

Индуизм открыл ему глубочайшие духовные возможности.

Буддизм указал ему благородный путь стать мудрее, добрее и чище, *иудаизм* и *ислам* – как быть верным религии на деле и ревностно преданным Богу.

Христианство дало ему видение божественной любви и милосердия.

Идея «братства народов» положительна, когда осуществляется в рамках деловых отношений, филантропии и других гражданских и экономических областей жизни. Народы, принадлежащие к разным вероисповеданиям и национальным меньшинствам, должны жить вместе в согласии, уважать друг друга и сохранять свою независимость. Однако

требование того, что последователи данного вероисповедания должны объяснять свою веру и свое религиозное поведение представителям другой религии и выслушивать подобные объяснения с их стороны и маловероятно, и малопродуктивно. Подобная межрелигиозная деятельность привела бы в лучшем случае к обострению отношений, а в худшем – стала бы оружием в руках фанатиков.

Хотя в многообразии религий имеются определенные преимущества, так как их совокупность расширяет горизонты культуры, различия воззрений, доведенные до взаимного недоверия и гражданской нетерпимости, становятся причиной мировых конфликтов. Вместе с тем очевидно, что без преодоления национализма нельзя удовлетворить возрастающие потребности расширения контактов, углубления диалога культур, а без этого невозможно не только дальнейшее развитие, но даже выживание человечества. Существование обсуждаемого противоречия в том, что мировые религии – враги национализма.

Итак, будем терпимы к чужим верованиям и станем придерживаться своей веры. Можно ли быть терпимым к другим религиям и *не* исповедовать никакой религии? Мне представляется, что человек без веры жить не может – он перестает быть человеком. Вера как своего рода «духовный инстинкт» присуща всем людям. Тот, кто живет, верит, даже если считает себя чуждым религии. Пусть бессознательно, но он ориентирован на некий высший смысл своей жизни и

бытия в мире. Когда разум исключает Бога, психика *возводит на его престол идола*. Как все мы успели убедиться в последние годы, в отличие от бессмертных богов, идолы не бессмертны, и когда они разрушаются, это приводит к глубоким душевным потрясениям. Если человеку удастся оправиться после их утраты, то он опять пускается в путь, чтобы снова найти нечто подлинное, выступающее как смысл его существования.

Почему же все-таки вера? Вера в нечто высшее играет роль смыслообразующего ориентира, масштаба, она позволяет каждому организовать и упорядочить свою модель мира и реализовать человеколюбивые и жизнелюбивые принципы взаимодействия с людьми и природой. Пусть природа не ведаёт справедливости – человек без нее не в состоянии дышать. Поэтому в разных религиях периодически появляются пророчества, проникнутые надеждой на торжество правды. Вся человеческая культура и наука в своем фундаменте имеет веру. Создается впечатление, что духовный рост без нее невозможен.

Хорошо, допустим, что это так, но почему так много религий – и таких разных? Может быть, все-таки по силам преодолеть ожесточенное сопротивление и объединиться? (Ведь известно, что, несмотря на многообразие религий, есть некое их родство, связанное с единством человеческой природы.)

Создается впечатление, что в обозримом будущем этого объединения не произойдет. Почему? Никого не удивляет,

что мать любит своего ребенка особенно. Исключительность такой любви не мешает ей любить и других детей, скорее даже способствует этому, но все же свой ребенок – это другое. За него она пойдет на смерть. Любовь к своему ребенку мобилизует колоссальный энергетический запас – не только весь подсознательный фундамент человеческой психики с его непреходящей силой мотивации, но и более глубокий пласт психики – сферу архетипов. Аналогично и своя вера – она несет мощный энергетический заряд, дающий человеку силы переживать самые трудные дни и устремляться к прекрасным идеалам. Поэтому она будет жить и жить. Ведь есть существенное различие между понятиями *знать* религию и – *жить* в ней. Человек может находиться (жить духовно) только в рамках какой-то одной системы религиозных ценностей. Тем более что религиозных систем, даже мировых, несколько.

Так что же, будут разгораться национальные конфликты и нести горе миллионам людей? Мне кажется, что *можно выработать позицию взаимной терпимости*. Только она делает возможным мирное сосуществование в одной стране людей с различной историей, культурой и обычаями. Защита терпимости – это не обязательно защита различий как неотъемлемого условия расцвета человечества, предоставляющего любому человеку всю полноту свободы выбора (286, с. 26). Как писал В. Франкл: «Чем сильнее человек цепляется за догмы своей веры, отделяющие его от того, во что верят

другие люди, тем слабее его вера. С другой стороны, чем более прочно он стоит на фундаменте своей веры, тем более он свободен по отношению к догмам, тем более открыт для обращения в свою веру тех, кто его веру не разделяет. Первая позиция ведет к фанатизму, вторая – к терпимости. Терпимость не означает принятия веры других, но она означает уважение человека, признание его права свободно выбирать свой собственный путь веры в жизни» (286, с. 206).

Вернемся к метафоре горы. Гора имеет самые разнообразные склоны с разных сторон. Если смотреть на нее с одной стороны, то мы увидим крутые, скальные, непроходимые рельефы. Не исключено, что с другой стороны – цветущие долины и пологие тропы. Можно ли спорить о том, кто видит гору правильнее? Количество разных дорог к вершине неисчислимо и все они «правильные». Но каждый доверяет своим глазам и полагает, что это и есть единственная правда. Тот, кто обошел и осмотрел гору со всех сторон, знает – каждая дорога правильная и не единственная. Словом, все тропы ведут вверх, знаменуя духовный прогресс – это их и объединяет. Одновременно каждый путь (сопоставляемый нами в этой книге с одной из мировых религий) имеет свои особенности.

Содержание данной книги отражает попытку показать, что каждая из мировых религий внесла в человеческую культуру нечто неповторимое, обогатившее все человечество. У каждой есть свое уникальное, не пересекающееся с други-

ми пространство, вклад в развитие духовного богатства всего мира, который и обусловил ее сохранение в течение тысячелетий. В этом понимании история человечества представит как громадная симфония, контрапункт, которой создан совокупностью религий, из которых каждая сохраняет свой особенный характер, тембр своего инструмента, регистр голоса, и все они сливаются в единую мелодию. Мы постараемся выделить и подчеркнуть и сходство, и различия в них. Главная наша надежда состоит в том, что, одновременно увидев всю панораму, ощутив ее красоту и многообразие, читатель облегчит себе создание некоторой платформы для взаимной терпимости.

В этой книге мировые религии представлены в их исходных формах. Естественно возникает вопрос: почему в формах, столь далеко отстоящих от нашего времени? Просто так ярче, объемнее предстает уникальность и очарование каждой, еще без тех многочисленных наслоений и пересечений. К этому же выводу пришел один из классиков в изучении интересующих нас проблем – М. Мюллер (232, с. 9). Он неоднократно отмечал, что для того чтобы понять ту или иную религию, нужно выявить ее древнейшую форму и сравнить ее с другими. Ведь чем дольше существует та или иная традиция, тем больше разрастается объем комментариев и интерпретаций, тем меньше удельный вес самого первоначального опыта. Естественно, что со временем подлинное содержание все больше искажается. Это противоречит нашей

задаче – выразить в концентрированном и доступном виде представления о психологии веры. Но стоит обратиться к исходной форме, как отчетливо выступит этическое ядро всех великих религий и станет видно, что *они имеют много общего* – это идеалы братской любви, облегчения страданий, обретение независимости и ответственности. *Однако акценты расставлены в них по-разному*. Так, Будда на первое место выдвигал облегчение страданий, Моисей – роль знаний и справедливости, Иисус – братской любви, Мухаммед – нравственности жизни, а Конфуций – точности исполнения ритуалов.

Заглянув в оглавление книги, читатель, возможно, отметил, что рассказ о каждой из религий мира начинается с рассмотрения жизни ее основателя. Почему? В большинстве случаев народная память бережно и благоговейно сохранила о них биографические легенды и факты. Единство учения и жизни его творца – характерный признак любой эзотерической личности, будь то Будда, Зороастр, Конфуций, Христос или Мухаммед. Жизнь таких людей – не только вызов существующей цивилизации, но и вдохновенное творчество. Это были гиганты чувства, добра, мысли и света. Они действительно жили и умирали в согласии со своим учением. Личность основателя – едва ли не самое главное в нем. По своему значению она стоит на первом месте и для духовных последователей превышает влияние самого учения. Именно это имел в виду Ф. М. Достоевский, когда писал: «Христос

больше, чем христианство».

Благодаря *основателям* – духовным учителям человечества ценности и цели людей воплощались в пример, демонстрировавший возможность моральной позиции. Эти примеры означали и призыв, показывая, что в каждом человеке есть зародыш этой возможности. Они до сих пор служат этическим образцом, более поучительным, чем правила. Представления о ценностях и убеждениях, которые не воплотились в жизнь, подвержены опасности быть воспринятыми лишь на словах. Люди более склонны ориентироваться на реальность, и они инстинктивно чувствуют, что святые истины, хотя и преследуют благие цели, но для реализации непригодны. Поэтому главным для развития культуры является то, что происходит на уровне поведения. Вожди, пророки и другие руководители предпочтительнее как живой пример.

Вместе с тем основатели не были лишены определенных человеческих особенностей и слабостей, что облегчало и облегчает их понимание и помогает человеку набраться мужества и встать «на путь...» То, что сознание человека воспринять не может, основатели предлагали в образной форме, облекая в притчи, повествования. А то, что разум не принимал ни в каком виде, передавалось поведением создателя учения. Следствием влияния не только теоретических принципов религии, но и личности основателя можно объяснить то, что всякая вера содержит своеобразную смесь бескорыстной самоотдачи и чувственной непосредственности. Так возни-

кает определенная степень напряжения чувства, специфическая интимность и прочность внутреннего отношения верующего некоему высшему порядку, который он, однако, одновременно воспринимает как нечто глубоко личное.

Поэтому *основателям* в этой книге уделено особое внимание. Мир не знает личностей, более великих, цельных и чистых душой. Они сияют как звезды первой величины на небесном небосклоне. Внимание к ним тем более важно, что определяющим началом и истоком религии является утверждение пророческих откровений и заветов основателя, а ядром – содержание священных текстов. При этом не будем обсуждать истинность тех или иных положений религии. Психологию не занимает вопрос истинности или ложности идеи, например непорочного зачатия. (С точки зрения психологии идея истинна ровно настолько, насколько она удерживается в традициях и истории данной культуры.) В этом смысле все споры о фактах, которые можно увидеть глазами или объяснить разумом, – это «не про то». Как отмечал Вивекананда, люди обращаются к данной теме не для того, чтобы обсуждать подлинность Канонов, и не для того, чтобы выяснять, насколько описанное там совпадает с историей. Не имеет значения, что канон Нового Завета складывался в течение пяти веков после событий, описанных в Евангелиях. Но что-то ведь стоит за всем этим, что-то, что пытались воссоздать? Ведь для того чтобы солгать, надо имитировать правду, и эта правда и есть истина. Нельзя имитировать то, чего никогда

не было.

Вызывают искреннее восхищение философия основателей и их образ жизни. В некотором смысле основатель выступает как зеркало, отражающее потребности окружающего его общества. Его философия и его доктрина – это его бытие. Само его существование служило призывом для последователей. Тем более что с течением времени каждая религия стала формализованным и тщательно разработанным ответом на главные, коренные запросы, выдвигаемые жизнью. Так укреплялись устои веры. Благодаря общению она создает светлое ощущение безопасности и основательности миропорядка. Понимание общности со всеми и ответственности за судьбы людей, даваемое религиями, позволяет человеку острее ощущать единство со своими детьми, родителями и любимыми, осознавать ответственность за судьбы своих потомков.

Таким образом, религиозная вера создает и поддерживает глобальный по масштабу мотив, связанный с потребностью взаимопонимания, – во имя устранения конфронтации, враждебности, агрессивности – всего того, что ставит под угрозу выживание человечества и общественный прогресс.

План книги таков: в первой части мы последовательно рассмотрим основные религии мира. Они представлены в таком ракурсе, который, по замыслу автора, поможет читателю не только увидеть все особенности и вселенские достижения каждой из них, находки и отличия, но и испытать чувство

невыразимой гордости за достижения вершин духа самыми великими людьми в истории человечества. Есть надежда, что переживание такой гордости повлечет за собой и уважение к народам, породившим этих гигантов мысли и духа. Ведь только уважение может создать фундамент нашего дальнейшего общежития на земле, бережно сохранившей разнообразие культур и потому позволяющей верить в дальнейшее развитие человеческого духа.

Вторая часть книги приподнимает перед читателем завесу, скрывающую внутренний мир человека. В ней мы обращаемся к психологическим аспектам религии.

В главе 8 внимание сосредоточено на тех приемах психологического воздействия на психику неопита, которые позволяют в первом приближении формировать ее в соответствии с требованиями одной из религий. Здесь мы рассмотрим, какие потребности и какими способами насыщает вера, а также остановимся на психологических аспектах некоторых обрядов и культовых действий.

В главе 9 мы сначала предложим эскиз иерархической структуры организации психических процессов (модели мира). Постараемся показать те ее подсистемы и элементы, которые определяют устойчивость психики данного человека, целеустремленность его жизненных усилий и первостепенную роль венчающих эту пирамиду целей, ценностей и идеалов. Тем самым будут высвечены узловые части этой системы, которые могут трансформироваться под воздействи-

ем веры. Покажем, какие качества человека выступают как важнейшие мишени и какими воздействиями можно способствовать их формированию. В качестве таких мишеней рассмотрены:

- *потребность* — почему он *делает* это?
- *эмоции* — какие чувства руководят им в этой *деятельности*?
- *установка* — как долго он будет *действовать* в этом направлении?
- *мотив* — сколько энергии он вложит в эту *деятельность*?
- *цель* — что явится сигналом прекращения этой *деятельности* и переключения на другую?

В главе 10 мы обратимся к кардинальному отличию влияния на психику человека мировой религии и тоталитарной секты. Наше внимание будет сосредоточено на том, что происходит с личностью, когда усилия религиозной группы направлены не на развитие духовной сферы и гармонизацию внутреннего мира человека, делающих его сильнее, а, напротив, подавляют его волю, разрушая целостную картину мира, и заменяют ее страхом близкого «конца света» и преследования «отступников». Тем самым достигается построение такого внутреннего мира личности, который удобен для данной организации. Подобное сравнение должно высветить тот существенный факт, что только религии мира могут дать искренне верующему человеку грандиозные душевные приоб-

речения, так как они накопили гигантский опыт. При этом не забудем, что секты практически всегда угнетают свободу личности, то есть нарушают права человека и проповедуют нетерпимость к другим религиям. Если же свобода воли нарушается, то вместо гармонизации личности и ее всестороннего развития наблюдается ее духовная и социальная деградация.

Наконец, в последней главе «Заключительное обсуждение» предпринята попытка выделить основные духовные и культурные достижения религий мира и показать каждую из них как один из краеугольных камней человеческой культуры. Они существуют до сих пор, потому что и сегодня обладают потенциалом развития, и мы попытаемся показать их «точки роста». Такой взгляд на эти великие учения позволяет понять не только возможность, но и необходимость взаимной терпимости, уважения и даже восхищения. Тем более, не уважая веру других, человек перестает уважать и свою. Доброжелательное принятие различий в мировых религиях может иметь этические истоки, при которых различия воспринимаются как результат культурного многообразия творений Божьих, или же функциональные истоки, когда различия рассматриваются как неотъемлемое условие расцвета человечества, предоставляющее любому человеку всю полноту свободы выбора, ибо именно свобода выбора составляет смысл их автономии (286, с. 26).

При написании этой книги меня вдохновляла особенно

сильная в нашу эпоху жажда гражданского согласия между людьми разных национальностей и вероисповеданий. Эта проблема сегодня приобретает особую актуальность. Тем более что целые народы, разные по происхождению, расовой принадлежности, культуре и религии, в последние годы стали ближе в виртуальном пространстве вследствие мощных информационных потоков Интернета и СМИ.

Хотелось бы закончить тремя замечаниями. Во-первых, разъяснить, что когда мы говорим о психологическом аспекте данной книги, то это значит, что мы концентрируем внимание на специфике и сущности психологических процессов, которые активируются верой, рассматривая последние как определенные состояния личности. Во-вторых, предупредить возможные ожидания читателя, сказав, что я не претендую на то, чтобы обозначить более чем в общих чертах границы той грандиозной темы, которую подсказывает само название книги. В-третьих, осуществить свое желание пропеть гимн всем учениям – религиям мира. Они – как цепь самых высоких вершин на нашей планете, и, приступая к изложению каждого из них, я была покорена духовной и интеллектуальной мощью их творцов. Было бы приятно разделить с вами эту радость. Вместе с тем я понимаю, что многие хорошо знакомы с отдельными учениями, и поэтому они могут сразу начинать чтение со второй части книги, зная, что выводы этих глав вытекают из анализа психологических аспектов этих учений.

Часть I. Психологический аспект основных религий мира

Глава 1 Индуизм

*Я полюбил индийцев потому,
Что в их словах – бесчисленные знания,
Они растут из яркого страдания,
Пронзая глубь веков, меняя тьму.*
Бальмонт

Об индуистских богах

*Как паук выпускает из себя и вбирает в себя
паутину, как растение возникает на земле, как
волосы возникают на голове человека, так из
Непреходящего возникает все в этом мире.*
Мунд. Уп. 1.7

Индия – один из древнейших очагов мировой цивилизации и формирования *единобожия*.

Ригведа является древнейшей книгой из всех, какие только известны человечеству, включая самые ранние из гимнов

Древнего Египта и Израиля. Гению индийского народа человечество обязано постановкой и разработкой многих основополагающих философских проблем, до сих пор волнующих умы людей. Поэтому рассмотрение религий мы и начинаем с *индуизма*. Несмотря на то что многие исследователи считают, что *индуизм* не единая религия, все же у нее есть стержневое направление, запечатленное в канонических текстах Вед.

Индуизм не основан на откровении, у него нет признанного основателя и для него характерно поклонение многочисленным богам, тем не менее он относится к *монотеистическим* религиям, так как индуисты верят в высший Абсолют – Брахмана, высшую духовную силу мироздания, а других богов они воспринимают как отдельные его проявления.

В своем историческом развитии *индуизм* прошел три стадии: ведийский период, брахманизм и, начиная с середины I тысячелетия н. э., – собственно *индуизм*. Фундаментальным фактором и *индуизма* и *зороастризма* стала религия древних *ариев*. Впоследствии она разделилась и развивалась как *индуизм* и *зороастризм*. Самые древние ведические боги группируются в две враждебные категории: асуры и дэвы.

В древнем брахманизме господствовало многобожие, однако постепенно началось движение в сторону единобожия. Поначалу единый бог предстает в образе Тримурти – трех лицах Брахмана, того, кто безостановочно создает миры.

Брахма троичен: Брахма – отец, Майя – мать, Вишну – сын (сущность, субстанция, жизнь). Каждый их трех заключает в себе двух остальных, и все три составляют одно. Брахма – создатель, с которым ассоциируется периодичность мироздания. Вишну – спаситель и хранитель мира, а Шива – его разрушитель. (Обратите внимание, что в Тримурти включено отрицательное начало в лице Шивы и положительное в лице Вишну, что и определяет возможность внутреннего развития.)

Брахма – верховный бог, он идеал совершенства, и каждый человек, находясь в процессе совершенствования, всегда стремится к этому идеалу. Однако специального культа этого бога никогда не существовало. Брахма представляется высшей действительностью, олицетворяя скорее философскую идею религии, над которой надо размышлять, чем объект поклонения. Соответственно отсутствуют и особые храмы, посвященные Брахме. Считается, что Брахма произошел из зародыша, помещенного в океан Великой Первопричиной, не имеющей ни облика, ни имени (89, с. 73). Приведем пример описания *первопричины* возникновения мира из Канона.

Тот, кто постижим только усилием ума, неосязаемый, невидимый, вечный, заключающий в себе живые существа, удивительный, проявился сам по собственной воле.

Вознамерившись из своего тела произвести

различные существа, он вначале сотворил воды и в них испустил семя. Семя это превратилось в золотое яйцо, сиявшее подобно солнцу, в котором он, отец всех миров, родился под именем Брахмы. Он провел целый год в мировом яйце и затем разделил его, одною своею мыслью, на две части. Из двух половин скорлупы образовал он небо и землю, а между ними поместил воздушное пространство, восемь стран света и постоянное вместилище для воды.

Ригведа 129; 1:234

Вишну предстает в Ведах как бог – хранитель и спаситель, имеющий много различных имен и воплощающий космическую энергию. Поклонение этому богу связано с учением о Мессии. В качестве такового он периодически появляется на земле в одном из десяти своих различных воплощений (аватаров). Этот бог предстает как борец за правду. Ожидается, что в своем последнем, десятом воплощении – Мессии он явится на небесах сидящим на белом коне и снизойдет на землю для того, чтобы истребить злых, вознаградить праведных и установить в мире справедливость.

Когда на земле религия приходит в упадок и воцаряется безбожие, Я нисхожу Сам, чтобы освободить праведников, уничтожить злодеев, а также восстановить религиозные принципы. Я сам спускаюсь на землю из века в век.

Бхагават-Гита гл. 4:7, 8

В эпосе Махабхарата описано восьмое воплощение Виш-

ну – в образе Кришны. Здесь имеются легенды об особом *зачатии* и особом *детстве*. Отмечается, что мать Кришны Деваки «зачала в чистоте сердца и в божественной любви. Она была *дева* и мать, достойная уважения. От нее родился сын, который будет спасителем мира». («Дева и мать» – уже здесь мы видим некоторое сходство с преданиями о появлении на свет основателей других религий мира.) В детстве Кришна не знал страха. Он обнимать молодых пантер и даже класть руку в их раскрытую пасть. Время от времени им овладевала неподвижность, странная грусть. Тогда он не отвечал на вопросы, вел жизнь отшельника. Другие отшельники преклонялись перед Кришной, и от них он получил знак верховной власти – посох о семи узлах.

Юношей Кришна сначала обучал своих учеников, а затем отправлялся вместе с ними поучать народ. Он проповедовал милосердие к ближним. Однажды он рассказал притчу о бедном рыболове Дурге, который встретил как-то малое дитя, умиравшее от голода. Дурга, не знавший, как прокормить и свою семью, пожалел его и взял с собой. За ужином со всей семьей дитя сказало: «Добрые дела очищают душу. Возьми свои сети и лови». Тогда Дурга закинул сети, и они едва выдержали множество попавшейся в них рыбы. Между тем спасенное дитя исчезло. Таким образом, говорит Кришна, Вишну являет себя человеку, забывшему свои бедствия ради помощи другим. Устами Кришны изложены религиозно-философские представления *индуизма* и показано,

как хорошо для человека полностью посвятить себя богу и правильно исполнять дхарму – кастовый долг (Бхагават-Гита (54)).

Поэма Рамаяна трактует победу как результат праведной жизни и нравственного права. Главный герой эпоса принц Арджуна незаконно лишен права на царство. Однако он сомневался, надо ли вступить в борьбу со своими двоюродными братьями, захватившими царство отца. Ведь соперники связаны узами родства, и Арджуна, как предводитель одного войска, не решается начать битву, считая, что власть, достигнутая в битве, не стоит того, чтобы убивать родственников. Поэтому он советуется со своим возницей – Кришной, который уговаривает его вступить в бой. Арджуна подчиняется его воле и побеждает. Совет Кришны интерпретируется как совет сражаться со злом и в любом случае защищать то, что справедливо. Победа в борьбе за правое дело придет, если полностью и самоотверженно посвятить себя Кришне. В Рамаяне уже звучит фундаментальное утверждение – убийство оправдано тем, что *убиты* будут лишь *тела*, а не *души*, которые живут вечно. Об убитых не надо печалиться, так как, освободившись от данного тела, душа воплотится в другое, чтобы использовать новую возможность улучшения своего духовного развития.

Познавшие не скорбят о живых или мертвых:
Ибо я был всегда, как и ты, и эти владыки народов,
И впредь мы пребудем вовеки.

И так же как в теле сменяется детство на юность,
А зрелость на старость,
Так воплощенный сменяет тела...
Мудрец – не смущается этим.

Бхагават-Гита 11–13

Поэтическая история Рамаяна – развернутая *метафора* *этических* проблем, с которыми сталкивается человек на жизненном пути, и изложение основных принципов учения Кришны: троичности бога, бессмертия души, перевоплощения.

В Махабхарате Кришна излагает пути к богу: «карма йогу» – путь действия, угодного богу, и «джняна йогу» – путь знания. Кришна предпочитает путь действия, поскольку люди никогда не будут свободны от общества и никогда не смогут избежать действия, но действовать они должны особым образом – нравственно, *не привязываясь* к возможным результатам действий, и тогда их действия сохранят *чистоту*.

Третье место в индуистской триаде занимает Шива. Он символизирует вечный ритм жизни и смерти во Вселенной – *цикличность*. В *индуизме* нет конца света. Шива грозен и исполняет много ролей – и творца, и разрушителя, и безумного танцора. Его эмблемой является каменный столб лингам, символ мужественности. Цвет кожи Шивы – желто-розовый, переходящий в пламенно-красный. Его шея, голова и руки обвиты змеями – эмблемами вечности и постоянно-го возрождения. Как змея вылезает из старой кожи, облача-

ясь в новую кожу, так и человек, умирая, появляется в другом, возможно более чистом, теле. Здесь полезно обратить внимание на *антропоморфность* богов Вед. Они едят, пьют, носят роскошные одежды, обитают во дворцах, ездят на колесницах, ненавидят и любят, как люди. Боги имеют связи с земными женщинами и детей от них. Роднит их с людьми и то, что *боги не вечны*.

Канон – Веды

*В Ведах написано: «Вначале был Владыка тварей, вторым после него было Слово... И Слово было воистину высочайший Брахман.
(55, 116)*

Религия Вед, Упанишад, эпических текстов и пуран представляет собой не разные религии, а разные исторические этапы развития одной и той же религиозной традиции, сохраняющей на протяжении всей своей истории преемственность и единство культа.

Веда – означает знание, учение. Период возникновения Вед, по астрономическим данным, имеющимся в ведийской картине мира, относят к середине II тысячелетия до н. э. В Ведах включены самые ранние произведения индийской литературы, влияние которых сказалось на всем позднейшем развитии индийской философии и религии. Эти священные тексты в течение долгого периода не были записаны и пере-

давались устным путем. Поэтому они имели статус шрути – «услышанного свыше». Индийцы верили, что Веды были получены боговдохновенным, сверхъестественным путем, через святых мудрецов (риши). Риши – семь сыновей Брахмы, порожденных его мыслью. (Сыновей Брахмы олицетворяли звезды Большой Медведицы, которым приписывалась способность оказывать влияние на иные планеты, а супругами семи ришей выступали звезды из созвездия Плеяд.) Мудрецы риши – главный авторитет и в вере, и в жизни. Посредниками между риши и людьми, в качестве законодателей, выступают ману – прародители человечества. (Один из них – предок великих царей прославленной Солнечной династии, а один из ее потомков – Будда.)

Веды делятся на четыре книги, имеющие общее название Самхиты. Каждая из них в свою очередь – на три части. В первой части каждой книги содержатся гимны, славящие богов. Во второй дано руководство по соблюдению ритуалов, а в третьей объясняется религиозное учение. При этом каждая книга включает литургические священные тексты и трактаты о церемониале. Заключительные части представляют собой прозаические трактаты по ритуалу и комментарии к Ведам и называются Брахманы (учение о ритуалах) и Упанишады (сокровенное знание). После Упанишад следуют две большие эпические поэмы – Рамаяна и Махабхарата. В них содержатся описания легендарных перевоплощений одного из главных индуистских богов – Вишну. О со-

здателях Самхит известно мало. Исследователи склоняются к выводу, что Рамаяну написал один автор – Вальминки, поскольку в ней имеются композиционная стройность, сюжетное единство и единообразие стиля. Ему приписывают разработку эпического стихотворного ритма – шлоки, и поэтому именуют первым поэтом. Основной сюжет Рамаяны вошел в качестве эпизода в Махабхарату, создателем которой считается Васья.

Веды написаны в виде сутр – метрических формул и правил, легких для запоминания. На каком бы языке индус ни молился, религиозные формулы (мантры) произносятся на общем для всех языке – хинди.

Упанишады состоят из мистических или философских вопросов и ответов, касающихся эзотерического значения Брахмана. Знатоки Брахмана считают, что должны быть познаны два знания – высшее и низшее. Высшее – то, которым постигается непреходящее. Низшее здесь – это Ригведа, Яджурведа, Самаведа, Ахтарваведа, знание произношения, обрядов, грамматики, толкования слов, метрики, науки о светилах (274, с. 56). В Упанишадах развиты кардинальные для индуизма доктрины:

- *сансары* — круговорота рождений;
- *кармы* — предопределения форм существования индивидуума его собственными поступками в прошлом;
- *мокиши* — освобождения от длительной серии перевоплощений и достижения наивысшего единения с богом.

Ригведа – первый древнейший сборник Вед. Считается, что он полностью сложился к 1000 г. до н. э. В него входят 1028 гимнов (10 580 шлок). Риг – это хвалебная песнь. Поэтому подавляющее большинство гимнов – хвалебные. Это гимны, молитвы и просьбы, обращенные к богам. (Интересно, что из 1028 гимнов Ригведы 116 гимнов относятся к священному напитку древних ариев – соме.) Гимны сопровождали жертвоприношения и были призваны обеспечить просителю расположение богов и желанные для него материальные и духовные блага. Кроме того, в ряде космогонических гимнов нашли отражение элементы философского мышления. Наиболее важный сборник гимнов – Ригведа.

Другие сборники, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа, были составлены позднее. Брахманы это более поздние тексты, добавленные к Ведам, а Упанишады дополнение к Брахманам.

Самаведа – это сборник напевов. Он представляет собой сборник мелодий, сочиненных преимущественно на стихи Ригведы. В него входят молитвенные поминальные заклинания, певшиеся во время жертвоприношения сомы, песнопения и описания других обрядов, связанных, главным образом, с погребальными церемониями. Самаведа предполагает песенное исполнение, поскольку это собрание гимнов и мантр, отправляемых богам во время жертвоприношения.

Яджурведа – третий сборник. Это Веда жертвоприношений, содержащая молитвенные формулы, при них употреб-

ляемые. В общем можно сказать, что Ригведа в основном посвящена богам, Самаведа – предкам, так как включает описание погребальных и поминальных церемоний, а Яджурведа – людям.

Ахтарваведа, четвертая книга Вед, Веда ахтарванов, жрецов огня. Она содержит собрание магических заклинаний и заговоров. Если в Ригведе отражен период покорения арийскими племенами неарийских племен, то Ахтарваведа повествует о более поздних временах, когда происходило смешение идеалов завоевателей и завоеванных аборигенов. Она посвящена песнопениям магических заклинаний, используемых в домашних обрядах. Основное ее содержание связано с исцелением. В те времена врачевание производилось с помощью приведенных там заклинаний, ворожбы и колдовства. В Ахтарваведу включены не только магические стихи, но и правила лечения травами.

Махабхарата. Поскольку Веды могли слушать только представители высших каст (дважды рожденные), которые еще в детстве получили знания «у ног учителя», то кроме четырех классических Вед была создана еще пятая Веда – Махабхарата – Веда для *шудр* и *женщин*. Тем самым и для обездоленных предполагалось некоторое духовное развитие. Объем Махабхараты – 85 тысяч двестишестидесятишести шлоков, что в 8 раз превышает совокупный объем «Одиссеи» и «Илиады». Вторая часть шестой книги Махабхараты называется Бхагават-Гита – «Божественная песнь». Из всех канонических

произведений она получила наибольшую известность.

Таким образом, к первому разряду ведийской литературы относятся: четыре сборника (Самхиты) – гимнов, заговоров и жертвенных заклинаний. Гимны четырех ведийских Самхит непосредственно входят в ритуал, интерпретируя каждое ритуальное действие. Ко второму разряду относятся Брахманы (толкования высшей сути) – это теологические трактаты в прозе. Они объясняют эзотерический аспект ритуала, происхождение, смысл и назначение отдельных ритуальных церемоний. К третьему – Упанишады и Араньяки («Лесные книги»), включающие философские поучения и диалоги. Это в основном правила поведения для отшельников, стариков, которые удаляются в лесные скиты, чтобы там доживать свой век в размышлении об истине и ее природе. Упанишады и Араньяки – философская часть Вед. Они разъясняют эзотерический аспект религии, предлагая ее метафорическое толкование. По отношению именно к этим произведениям индийская традиция употребляет термин «шрути» – услышанное. Эти тексты некогда были «услышаны» от бога святыми мудрецами – риши, а затем выслушивались от жрецов на религиозных церемониях.

Когда во II тысячелетии до н. э. арии оказались в Индостане, там процветала самобытная культура Мохенджо-Даро и Хараппы и обитали племена дравидов. Арии восприняли многие их традиции. Считается, что именно у дравидов арии заимствовали концепцию переселения душ, так как предки

ариев этих представлений не знали. В древнейшем тексте – Ригведе – нет упоминания о переселении душ. И только в начале I тысячелетия до н. э. в Упанишадах (в Брихадараньяки-Упанишаде) впервые упоминается эта концепция. Юлий Цезарь связывал само понятие перерождения с верованием древних дравидов (42, с. 368).

В Упанишадах содержится учение о Брахмане и Атмане и постулируется круговорот более глобальный, чем круговорот рождений. Считается, что все явления природы, в том числе и человек, нераздельно присутствуют во всех явлениях живой и неживой природы и одновременно – это высшая объективная субстанция, тождественная началу индивидуальному, субъективному (Атману). Подобное единство составляет краеугольный камень философии Упанишад. Оно отражено в формуле – *tat tvam asi* («Ты есть То»). Однако для конкретного человека круговорот бытия *может быть прекращен* : его душа может выйти из потока и раствориться в Брахмане. Это и есть *мокша* – высший идеал освобождения, предполагающий выход за пределы закона кармы и колеса сансары для воссоединения с Первоначальным. В этом и состоит конечная цель человеческого существования. Вместе с тем достижение столь высокой, но трудной цели предполагает некоторую специфическую активность со стороны человека для достижения полного очищения.

Только тот достигнет места, откуда не рождаются

вновь, кто никогда не запятнан.

Катха Уп. 1; 3, 8

Ядро философии *индуизма* содержится в священной книге Бхагават-Гите – «Песне Господней» (сокращенно – Гите). Это наиболее читаемая и почитаемая книга, «Библия» *индуизма*. Она создана в III в. до н. э., написана афористично, двустихиями и содержит 700 шлок. Хоть она и трудна для усвоения, но зато легко запоминается. Кроме ритма и рифмы здесь использован еще один прием, облегчающий восприятие, – диалог между учителем и учеником. Такой способ представления материала несомненно способствовал распространению Гиты.

В Гите описываются три пути, ведущих к главной религиозной цели – освобождению: путь *знания*, путь *действия* и путь *религиозной любви*. (Обратите внимание: уже на этом, самом раннем этапе одной из древнейших религий мира нет утверждения единственно правильного пути, а есть то, что теперь называется свободным выбором.) Различные пути учитывают индивидуальные и кастовые (групповые) особенности конкретного человека, давая ему возможность продвигаться к общей цели своим путем. Философ, работник и верующий – все могут достичь мокши. Остановимся на этих путях чуть подробнее.

Первый путь – *знания* – ведет к освобождению души через преобразование тела и достижения свершения правильных поступков, за счет *развития контроля* за своими чувствами

и мыслями. Избравший этот путь овладевает телом, своими органами чувств и мыслями, что способствует сосредоточению сознания для погружения в себя. Такая обращенность внутрь позволяет освободиться от мыслей, эмоций, образов, то есть достичь такого состояния, когда вихри космической материи в сознании исключаются. На этом пути необходимые результаты достигаются с помощью йоги. По существу *йога* представляет собой технологию направленного преобразования сознания. Этот путь опирается на понимание глубинной связи между состояниями тела и сознания. Он основан на открытии, что, изменяя тело, можно воздействовать на подсознание и далее через него достигать особых состояний экстаза, когда из сознания исчезает все мыслимое и представимое, нет ничего и в то же время присутствует «неизреченная Полнота». Приемы йоги ведут от простого выполнения упражнения, через уточненное его ощущение и переживание, к нормативной *интерпретации*. Используемые при этом психотехнические приемы позволяют преобразовать самосознание, трансформировать индивидуальное понимание «Я» до переживания его иллюзорности и ощущения тождества, единства с Абсолютом, растворения в нем, и таким образом, постижения реальности Сущего. Подобный опыт самоуглубления, не имеющий себе равных, стал школой духовной собранности и созерцания и занял неоспоримое место в ряду великих достижений человечества.

Второй путь – *Карма-Марга* — ведет к самосовершен-

ствованию через *правильные поступки* и конкретные дела. Здесь акцент сделан на правилах прохождения жизненного пути: жертвоприношения, выполнение обрядов и ритуала, кастовых обязанностей и совершение добрых дел. Среди таких поступков предполагается и паломничество, то есть посещение святых мест для исполнения специальных обрядов. На этом пути, даже если человек не верит в бога, он имеет возможность достичь мокши, то есть того же, чего достигает верующий с помощью молитв, – полного освобождения от уз и влияния плотской оболочки. Тем самым люди, не обладающие развитым интеллектом (необходимым для первого пути – пути знания) или силой воли (требуемой для совершенствования тела), но способные к практической деятельности, тоже имеют возможность достичь высшей цели посредством правильных поступков. На этом пути не требуется придерживаться норм аскетической морали, избегать следует только корысти и надежды на вознаграждение. Действовать можно в рамках положения о «пути незаинтересованного деяния», когда, выполняя свой долг и не ища выгоды, человек освобождается от заботы о собственном «Я». (Обратите внимание на роль незаинтересованности – находка, бережно воспринятая другими религиями.) Этот путь опирался на представление о законе, гарантирующем в будущем наслаждение плодами взамен ныне исполняемых ритуалов. Учитывалось, что на начальных стадиях духовного развития показано посещение священных мест, так как оно направля-

ет ум к божественному, а священные образы и символы позволяют концентрировать ум на духовном учении.

Третий путь – *Бхакти-Марга* – реализуется *через любовь* и личную преданность богу. Идущий этим путем дарит богу свою любовь, а тот в свою очередь заботится и защищает его. Это позволяет человеку получить важное психическое преимущество – преодолеть тяжелое чувство личного одиночества, отчужденность от большого мира, проблемы с семьей и близкими людьми. Растворяясь в любви к богу, который для него и отец, и мать, и учитель, и друг, и любимый, – он достигает воссоединения с богом. При известной силе такого чувства возникает уверенность в проникновении в предмет любви, великое понимание, которое захватывает тайники сердца. Причем это сравнительно легкий, доступный для всех путь – для слабых и необразованных (женщин, шудр). Для реализации подобного пути необходим только некоторый уровень эмоциональности. В этом случае допускается использование изображений бога, необходимых тем людям, которые не способны постигать бога мысленно, как абстрактную идею. Конкретный образ, находящийся перед глазами, помогает им сосредоточиться на молитве, создает ощущение непосредственной близости к божеству. Этот путь учитывает глубинную психологию эмоционального человека. Ему, при его психической неустойчивости, чувство любви к богу дает необходимую *опору*, что ему особенно важно, поскольку он постоянно в ней нуждается. Это и побуждает его не только

непрерывно думать о боге, но и «сливаться» с ним в некую нераздельность. Люди, идущие этим путем, складывают плоды своего труда к ногам бога, поэтому *меньше привязаны к результатам* – все для бога. Особое значение придается преданности – тот, кто любит его особенно страстно, самоотверженно, тот добьется милости и обретет спасение.

Четвертый путь – *Джняна-Марга*. Это путь достижения *знаний о реальности*. (Джнянин – верующий через познание, размышление.) Считается, что не только реальный поступок, но и каждая *мысль есть действие*, она прибавляет новый элемент к создаваемой карме, и ни одна из них не пропадает. Акцент сделан на том, что повторяющиеся мысли переходят в стойкие наклонности, в волевые импульсы и затем – в деятельность. Это путь познания высшего духа посредством философского и интуитивного углубления в истину. В качестве вспомогательного «инструментария» здесь используется раджа-йога, помогающая человеку преодолеть отчуждение от своей подлинной природы путем регуляции дыхания.

Кроме четырех путей освобождения в Бхагават-Гите разработано положение об *отстраненности*, то есть о выполнении человеком долга через действие, лишённое личного практического интереса, и даже без надежды на успех. Это действие должно было быть направлено на цели, стоящие вне человека, то есть всецело на служение богу.

Итак, на дело направь усилие, о плодах не заботясь;

Да не будет плод дела твоим побуждением, но и
бездействию не предавайся.

Бхагават-Гита. 18; 11:54

Таким образом, *индуизм* синтезировал все возможности саморазвития. Видно, что здесь сформулирована новая жизненная позиция – не уклоняясь от дел, быть свободным и безучастным – таков идеал Гиты. В рамках этой традиции отказ от оценки результатов деяний означал освобождение от эгоизма, жадности, зависти. Дело делать надо, но определенным образом.

Представление о мироздании

Кто знает тайну? Кто ее поведал?
Откуда мир, откуда он явился?
Тех далее и богам не достичь,
Они пришли позднее. Кто же знает?
Откуда, как возник весь этот мир?
Откуда, как вселенная явилась,
Мир создан был или он был не создан?
Об этом знает только Он, всезрящий,
Иль может быть и Он того не знает?

Ригведа, пер. Бальмонта

На основании учения Бхагават-Гиты можно составить следующее представление о сотворении мира.

Из необозримого статического первоначала возникают динамические импульсы вселенской жертвы, проявляющиеся в конкретном пространстве того или иного высшего существа (Брахма, Шива, Кришна). Эти ритмы импульсов определяют судьбы народов, каст, всех живых существ – путем формирования их поля. После появления Брахмы, при его содействии и в соответствии с законом миропорядка *ритой* из первичной материи формируется «мировое яйцо» («рита» – термин, обозначающий принцип упорядоченности мирового процесса, соответствия, которое необходимо, чтобы все возникло и развивалось как надо). Рита как концепция мирового порядка легла в основу идей *кармы* – причинно-следственной связи поступка и воздаяния за него. Предполагают, что первоначальное представление о рите сложилось под впечатлением видимого пути Солнца и других светил. В дальнейшем рита признается вечным основанием всего сущего. Благодаря рите Солнце перемещается по эклиптике, меняются времена года, рассвет рассеивает ночную тьму. Рита – закон, в равной мере регулирующий перемещение светил и события человеческой жизни – рождения и смерти, счастья и беды. Этой же закономерности подчиняется и закон кармы, и рита кармы – действуют автоматически. В законах Ману возникновение мира описано так:

Вначале Брахма сотворил воды и в них испустил свое семя.

Оно стало золотым яйцом, в нем он сам

родился как Брахма, прародитель всего мира. Из этой первопричины, невидимой, вечной, образующей реальное и нереальное, возник дух – Пуруша, который прославился в мире под именем Брахмы. Он, божественный, прожив в этом яйце целый год, сам же силой своей мысли разделил это яйцо надвое; и из тех двух половинок он создал небо и землю, между ними атмосферу, восемь стран света и вечное пребывание вод. Из самого себя он также извлек разум, образующий и реальное, и нереальное, из разума же – сознание, имеющее способность самосознания, и господствующую Великую душу, и все творения, воспринимающие предметы мира.

Ману 21; 8–15

В космогонических гимнах Ригведы мировое яйцо именуется «Золотой зародыш». Оно рождается в первозданных водах силой тепла. (Понятие тепла (тапас) как космического жара связано с Солнцем, а также с огнем.) Это яйцо через 3110 409 лет погибает вместе с Брахмой, чтобы затем вновь возникнуть из хаоса с помощью нового Брахмы. Так вводится *цикличность* существования мира. Между этими циклами образуются большие пустоты, когда ничего не происходит или когда существуют только слова книги Вед. Эти слова предстают как некие подобия архетипов, из них в следующем цикле образуются вещи.

Возникшая Вселенная состоит из двух элементов: Акаши (материи) и Праны (энергии). В начале Творения существует

только Аказа. Все, что имеет форму, все возникло из Акаши – то, что стало воздухом, и жидкостями, и твердыми телами. Из аказы построены тела растений и животных. Она становится Солнцем, Землей, Луной, звездами. В конце цикла твердые тела, жидкости, газы – все опять разложится в единую Аказу; следующие творения подобным образом снова разовьются из нее.

Какой силой Аказа превратилась в эту Вселенную? Силой энергии (Праны). И если Аказа бесконечная, вездесущая материя Вселенной, то совершенно так же Прана – не что иное, как бесконечная, повсюду находящаяся энергия этой Вселенной. В начале цикла все становится Аказой, а в конце – все силы Вселенной преобразуются в Прану.

В истоках каждого цикла из собственной эссенции Брахмы сгущается мировой эфир, происходит материализация его воли, видимая и невидимая, осязаемая и неосязаемая материя, разлагающаяся по его дуновению на огонь, воду, землю и воздух. Из паров земного дыхания Брахмы зарождаются все твари, вещества органические и неорганические, а из семени, брошенного в землю и оплодотворенного божественным духом, – Всемирное семя.

Так описан процесс происхождения мира в старейшей из Упанишад, в Брихад-Ариньяке, где трансцендентная личность – Атман – идентифицируется с трансцендентной космической силой – Брахманом. Считается, что бог Пуруша произошел из субстанции желания камы. Он выступает как

сознающая себя душа, цель которой – познание.

Он создал время и разделение времени, звезды и также планеты, реки, океаны, горы, равнины и неровности. А ради процветания миров он создал из своих уст, рук, бедер и ступней соответственно брахмана, кшатрия, вайшья и шудру.

Ману 1; 24, 31–32

Таким образом, в данном цикле, предоставив миру время развиться по законам перерождения, верховный властелин, оплодотворяющий после каждой пралайи лучезарное яйцо природы (для периодического мирового разрешения, или перехода мира из объективного в субъективный) снова погружается в душу вселенной – Парабрахму (Ману, 1; 74:14, с. 27). Здесь нет речи о творении из ничего, скорее речь идет о развертывании мира из первичной субстанции. Невидимый и без всякого образа дух оживотворяет лишь лучезарное чрево (яйцо), из которого, при начале каждого нового цикла, и появляется двупольный Брахма как творческая сила. В начале цикла плавающий в первозданном океане Вишну покоится и спит на многоголовом змее Шеше. В это время из его пупа вырастает цветок лотоса, из которого и рождается Брахма – творец Вселенной. Это представление позволяет понять значимость мантры: «О сокровище в цветке лотоса!» (Ом мани падме хум!). Созданная Брахмой вселенная состоит из трех сфер: земли, неба и воздуха. Конец цикла представлен так: когда мир гибнет, все покрывается

водой и остается только бог, лежащий на водах в период сна. Он выглядит как Шеша – мировой змей, свернутый в девяносто колец (бесконечность). Из него в новом цикле снова вырастет лотос, в котором сидит Брахма, от которого все и начнется сначала.

Центральными фигурами в *индуизме* являются три бога (тримурти): Брахма – творец, Вишну – спаситель, хранитель правового и нравственного порядка и Шива как персонифицированное отрицание. В такой композиции божество предстает через множество персонификаций, отражающих все многообразие вселенной в «сокровенном», «непроявленном» виде.

После того как мир сотворен, главным действующим лицом становится Вишну. Он неоднократно нисходил на землю и спасал людей, принимая различные телесные обличия. Упоминаются главные воплощения Вишну: рыба, черепаха, вепрь, человеколев, карлик, Рама и Кришна. В каждом воплощении им осуществлялись главные необходимые в этот период спасательные действия.

Рыба в период Великого потопа предупредила прародителя человечества Ману о грозящей опасности. Это рыба направляла ковчег, пока он не причалил к горе. Спасая «каждой твари по паре», прародитель Ману кроме того спас и семь мудрецов – риши. Мудрецы взошли на корабль, который рыба и вынесла из потопа. Отсюда созвездие «Семи Мудрецов» (Большая Медведица), которое указывало путь

кораблю. После того как сошла вода Великого потопа, риши руководили Индией. Они составили священные Веды, передали людям священный огонь, основали жреческий род и создали космогонические учения. (Обратите внимание: идеи потопа и ковчега уже описаны.)

Черепаша спустилась в подземную пустоту и вернула после потопа со дна океана напиток бессмертия (амриту). (Сколько тысячелетий этот напиток бессмертия будет еще фигурировать в преданиях!)

Вепрь. После спасения от первого потопа демон вновь погрузил землю в глубины океана. Тогда вепрь убил демона и вынес на своих клыках Землю из океана. (Внимание! Потопы повторялись.)

Человеколев (нарасимха) – прикончил другого демона, установившего тираническую власть на земле и хулившего богов. (В некотором смысле выполнил роль Спасителя.)

Карлик выселил некоего демона в подземный мир и освободил Небо и Землю. Кроме этих древних воплощений Кришны, упоминаются два последних и одно будущее, где он описывается как чувствующее существо, наивысшее среди всех живых существей. Будущее воплощение Вишну – Калки – должно обнаружиться в конце века демонов, зла и несправедливости – Калиюги.

Основной единицей времени, применявшейся для счета юг – космических циклов существования мира, – был «день жизни Брахмы» (4 320 000 наших лет). По представлении

ям индуистов, каждая из мировых эпох (юг) была связана с определенной добродетелью и сменялась равным ей по длительности периодом тьмы. При этом длительность каждой из следующих юг убывала, соотносясь как целые числа 4:3:2:1. Так, Критаюга соответствует 4800 годам самодисциплины, Третаюга – 3600 годам мудрости, Двапараюга – 2400 годам жертвования, а Калиюга – 1200 годам великодушия.

Сейчас разворачивается часть цикла – «железный век» (Калиюга), который начался в 3102 г. до н. э. Он является последней из четырех великих эр существования мира. Ему приписывается смешение каст, воцарение шудр, пренебрежение к ведическим законам, ослабление душевных сил человека, повсеместное распространение зла. После его завершения явится Калки в виде всадника на белом коне с пылающим мечом, осудит порочных и возродит золотой век. (Где-то мы это уже слышали?!) Эти четыре эпохи вместе составляют 12 000 божественных лет – Махаюгу, каждый из которых состоит из 360 дней жизни Брахмы. Таким образом, согласно мировоззрению *индуизма*, мир проходит множество циклов. Один цикл равен дню жизни Брахмы. Затем все гибнет в огне, а потом Брахма вновь создает мир.

Весь процесс длится 100 лет жизни Брахмы, после чего вся Вселенная возвращается в исходное состояние – к изначальной, бесформенной материи. С психологической точки зрения существенно, что столь громадные временные периоды лишены для человека смысла. (Они предназначены для

употребления только в мире богов.) По прошествии цикла мир оказывается расплавленным и затем снова восстанавливается. Пока продолжается один цикл, в мире все закономерно – властвует рита. Из этого следует, что мир находится в бесконечном круговороте расцветов и упадка. У него нет ни начала, ни конца, и поэтому трансформации земного мира (сансары), и соответственно страдания в нем, невозможно прекратить даже с помощью религиозных средств.

Индуизм вводит и использует шесть основных субстанций: материя, пространство, время, активность, пассивность (неактивность) и душа. Из них и моделируется космос. Отношение божества к миру представлено через всеединство. Поскольку мир не может быть отделен от божества, то возникновение мировых начал – космогенез не мыслится как имеющий «авторство» и не осуществляется в иерархическом порядке, когда низшие восходят к высшему. Поэтому происхождение и развитие этих начал не может быть описано через «творение», а только через серию проявлений – эманаций. Мир предстает как самораскрытие божества и его самоотчуждение, а потому несет в себе потенцию и добра и зла, которые видятся как естественные природные феномены (313, с. 21).

Для индуиста естественно думать о появлении физического мира как о вечно чередующихся эволюционных процессах (вращающееся колесо). Колесо бытия вновь и вновь возвращает человека в земную жизнь, где его положение

обусловлено законом кармы, то есть связью между обстоятельствами данного существования и заслугами и проступками в предшествующей жизни. В Упанишадах представлена идея реинкарнации как странствия души из одной оболочки в другую и впервые вводится понятие кармы как принципа, определяющего порядок в переселении душ. В Упанишаде (1134, с. 16) сказано, что в этом мире человек действует согласно своим желаниям, которым он подчинен. После смерти он уходит в другой мир, унося с собой воспоминания о своих поступках, и когда соберет и синтезирует там плоды своих поступков, снова возвращается в этот мир – мир действий. Поэтому тот, у кого есть еще желания, рождается снова. В новом воплощении он попадает в ту среду, которая соответствует его наклонностям и той ступени развития, которая им уже достигнута.

Утверждая бессмертие души, Веды рассматривают ее как вечную субстанцию, временно отделенную искру, привлекаемую и вновь погружаемую в безбрежный океан мировой души. Человек – только временно отделившаяся капля единого духа. Люди подобны брызгам, взлетающим над океаном на краткий миг существования. Потом они падают и вновь сливаются с океаном, прекращая свое индивидуальное существование. По сути дела, речь идет о перевоплощении не отдельных людей, а Брахмана, единого божества, принимающего с каждым «всплеском» новые формы. Положение о том, что отдельная душа может переходить из одной телес-

ной оболочки в другую, привело к заключению, что все души должны обладать каким-то единством, ведь иначе перейти невозможно.

Постепенно возник взгляд на душу как на находящееся внутри человека особое духовное существо, способное мыслить, чувствовать и желать. Оно как бы бесплотно существует внутри человека, управляет им и через отверстия глаз смотрит на окружающее, а в момент смерти покидает тело, улетая через особое отверстие в темени. Если человек прилагал достаточные усилия для этого, душа его переживает *великое растворение* – пралайю, когда она может обходиться без старых оттисков и шаблонов. В этом смысле мокша – это окончательное соединение бесконечно малой и ограниченной частицы с беспредельным и безграничным целым.

Как сказано в Бхагават-Гите, смерть – это переход из одной жизни в другую, переоблачение из старой одежды в новую. В этом смысле тело – внешний покров души, нечто конечное, но душа, пребывающая в нем, – невесомое, недоступное тлению, вечное. Переходя через ряд существований животных, душа постепенно постигает, что вовсе не обязательно вести себя подобно животным, просто потому что тело человека, сколь угодно развитое, все равно что тело животного. Это объясняет и ограниченность интеллекта человека. Понять себя как человеческое существо – значит *отделить сосуд от содержимого*. При распадении тела, если побеждает мудрость, душа поднимается в беспорочные обла-

сти чистых существ, которые обрели видение Единого. Душа, в которой господствовала страсть, возвращается вновь ко всему земному. Точно так же если распадается тело, в котором преобладает неведение истинных начал жизни, душа снова привлекается на землю (Бхагават-Гита 14:2; 54, с. 644). При этом человек возрождается с теми же способностями и разумением, которые он имел в прежнем теле, и начинает снова работать, чтобы усовершенствоваться. Закон перевоплощения реализует эволюцию души и раскрывает причину и цель ее бессмертия, поскольку в процессе этой эволюции каждое рождение и каждая смерть знаменуют этап ее развития.

На пути бесконечных перерождений и духовного продвижения *индуизм* обозначил последовательность появления отдельных психических свойств. Первой появляется чувствительность, потом она становится инстинктом, и только затем инстинкт превращается в разум. По мере того как разгорается колеблющийся факел сознания, душа делается независимой от тела, способной все в большей мере вести свободное существование. Поднимаясь по ступеням эволюции, она принимает все большее участие в выборе новых перевоплощений. И лишь душа, владеющая высшим призванием, избирает воплощение не для себя, а для общего блага.

Закон кармы – великое достижение развития психологии! Он помогает человеку принять факт всевозможных бедствий. Без понимания этого закона страдания кажутся

ему произвольными, несправедливыми и потому вызыва-
ют возмущение. Закон кармы помогает пережить несчастья
как естественные и оправданные. Согласно карме, различ-
ные условия индивидуальных жизней зависят от разного
употребления свободы в предыдущих жизнях, а различные
уровни интеллектуальности людей, живущих одновременно,
выступают как следствия разных этапов их эволюции. Такие
представления вносят в жизнь человека мир и надежду. При
этом все оттенки физических и моральных страданий пред-
стают как естественные следствия ошибок либо добродете-
лей прошлого, поскольку душа сохраняет все то, что нако-
пила в своих прежних существованиях.

Есть красивая индийская притча о стрекозах и их личин-
ках, живущих на дне прудов. Личинок постоянно мучила од-
на загадка: что происходит с ними, когда, созревая, они под-
нимаются к поверхности пруда, пересекают его и исчезают
навсегда? Каждая личинка, готовясь подняться наверх, обе-
щает вернуться и рассказать, что происходит наверху. Одна-
ко, превратившись в стрекозу, она уже не может проникнуть
под толщу воды. В летописи личинок нет сведений хотя бы
об одной личинке, которая возвратилась и рассказала, что
же происходит с теми, кто пересек границу их мира. И толь-
ко лягушка рассказывает им о том, что они превращаются
в удивительные существа со сверкающими в потоке солнеч-
ного света крыльями. А личинки не верят и живут в страхе,
который отравляет им жизнь в пруду и не дает подготовит-

ся к новой жизни – под солнцем! (267, с. 81)

Со смертью тела душа не погибает, происходит перерождение, при котором осуществляется ее *трансмиграция*. Она отражает безначальное и бесконечное круговращение последовательных рождений и смертей под воздействием закона кармы. Согласно этому учению, в зачатии ребенка участвуют отец, мать и гандхара – духовная сущность кого-то, кто уже страдал в этом мире, чья сущность и будет мигрировать. Однако в новой жизни его память не сохраняет подробностей прошлой жизни, но удерживает нечто, достаточное для ощущения непрерывности. Такой постулат принципиален, ибо только этот след дает личности ощущение своей целостности.

Прежде чем перейти к рассмотрению моральных и этических аспектов этого учения, вернемся к существу влияния на человека масштабов происходящих в мире процессов. Обратите внимание, какими грандиозными интервалами оперирует описание циклов существования. Представления о мироздании как о временных циклах космической длительности отложили глубокий и двойственный отпечаток на психологию индусов. С одной стороны, на этом грандиозном фоне особенно мелко выглядит краткость и незначительность жизни отдельного человека по сравнению с космической историей. Колоссальные числа прошлого и будущего веками питали у индивидуума гипертрофированное чувство собственной ничтожности в круговороте перерождений. С

другой стороны, такие масштабы времени предохраняли людей от желания держаться за быстротечное и повернули индусов от мимолетных ценностей к неизменным.

Мораль и нравственность

Желание никогда не угасает от наслаждения желаемыми предметами; как огонь от возлияния масла, оно еще больше возрастает.

Ману 2; 94

Человек дурного поведения осуждается в мире, постоянно имеет уделом несчастье, он подвержен болезням и недолговечен.

Ману 4; 157

Как уже упоминалось, вечный миропорядок рита регулирует упорядоченность не только в физическом мире, но и в нравственном. Действие этого закона распространяется на богов, небесные тела и все сущее. Тем самым рита включает учение о карме, которое объясняет вопрос о причине зла и страданий в мире. Согласно закону кармы, все, что переживает человек, – результат его собственного поведения в этом и в бесчисленных предыдущих рождениях. Поэтому у него нет высшего судьи, он сам определяет свое будущее. Закон кармы – это закон *причин и следствий*. Он предстает как воздействие суммы поступков, совершенных конкретным лицом. (Слово «карма» происходит от санскритского «кри» –

делать.) Всякое действие есть карма. Если действие совершено, оно не может быть уничтожено, пока не принесет плоды. Нет силы, которая в состоянии помешать конечному результату. В сердцевине этого закона – идея перевоплощения – трансмиграции, то есть учение о некоем «Я», совершающем свое космическое становление. В этом странствии доступен пониманию человека лишь его ограниченный отрезок, развертывающийся в нашем физическом мире. В понимании индуистов смерть – лишь *дверь*, через которую личность проходит после краткого отдыха в следующую жизнь. Человек попадает на землю, чтобы изжить пороки, очистить сознание и освободиться от некоторых привязанностей. До тех пор пока это условие не будет выполнено, следует череда воплощений. Душа рождается для опыта и роста. «Незаконченные» существа должны вновь воплощаться. В повторном рождении только психическое существо переходит от тела к телу. По представлениям индуистов, родиться в человеческом теле – это редкое и великое благо, которое дается только после множества существований в низших формах жизни. Следовательно, пренебрежение собственным телом сводит на нет достигнутое к этому времени духовное совершенствование.

Как действовать в этом мире и не накапливать карму? Для этого есть действие без личной заинтересованности. Сочетание активности и безучастия достигается путем отсутствия желания для себя положительных или отрицательных пло-

дов. Кто не ждет радости или беды, страха, волнения, воздаяния, кто одинаково ровно относится ко всем людям, тот достигнет высшего пути. Если человек выполняет действия без надежды, укротив свои мысли, пренебрегая всякой ответственностью, только телом совершая действия, то он не впадает в грех. Тот, чей разум не запятнан страстями, даже убив, остается не запятнанным. Равный в успехе и в неудаче, он не связывает себя, даже действуя. Работа, сделанная без привязанности, приведет к богу. (Подчеркнем, что подобное выполнение не означает «без добросовестности», без усердия, но означает, «без заинтересованности, не ожидая никакой награды, не боясь никакого наказания».)

Так, свободный от добрых дел, свободный от злых дел, зная Брахмана, он идет к Брахману.

Уп. Кауш 1; 4

Зато всякий труд, исполненный с эгоистической целью, кует новые звенья цепи. Даже привязанность к своей работе поддерживает процесс перерождения. Отказ от личной заинтересованности в результатах действий подкрепляется напоминанием о строении человека, включающим тело, разум и душу. Перспективы определяются соподчинением этих частей. Если душа господствует над телом, то она достигает мудрости и мира, то есть саттвы. Если колеблется она между разумом и телом, то попадает под господство раджаса – страсти. Если душа подчинена телу, она отдается во власть безрассудству, неведению и временной смерти – топас. Ду-

ши первых поднимаются к области чистых существ, вторых – вновь возвращаются ко всему земному, а третьих – в лоно неразумных существ (Бхагават-Гита 54, с. 638:31).

Итак, каждый хороший поступок влечет за собой награду, каждый плохой – наказание, но не обязательно в этой жизни. «Я» человека находится под контролем внутренней силы, локализованной в прошлом. Расплата может наступить не сразу и затронуть не только самого виновного, но и его потомков. Перенесение кары на потомков помогало поддерживать веру в неизбежность наказания и примиряло человека с очевидным процветанием нарушителей закона. Если кто-то живет плохо, то, возможно, он расплачивается за свои поступки в прежних рождениях. Без подобного понимания бедствия, выпадающие на долю человека, кажутся несправедливыми, а это может стать источником ненависти и возмущения. Если человек рождается в этом мире первый и единственный раз, то как объяснить его страдания? (Внимание: осознание законности бед, выпавших на долю личности, умеряет их травмирующее воздействие!) Принятие закона кармы, по которому действия в одной жизни роковым образом отражаются на следующей, позволяют понять, почему люди, живущие одновременно, принадлежат к разным ступеням духовной эволюции. Тем самым это учение уводит причинно-следственную связь деяний в бесконечность. В рамках такого мировосприятия страдающий ребенок предстает как еще одна маска, которую надело на себя вечное «Я», обу-

словленное кармой прошлых перерождений.

Вместе с тем человек рождается не только с теми задатками и способностями, которые он развил в прошлом воплощении, – его судьба определяется тем, насколько успешно он воспользовался свободой в данной жизни. Как понимается свобода? Когда живое существо достигает человеческой формы жизни, оно получает шанс освобождения от законов кармы. Если оно не реализует его в человеческой жизни, характеризующейся полным сознанием, то теряет свой шанс и снова вовлекается в эволюционный круг. В этом и состоит особая ответственность человеческой жизни в отличие от животного. Тех, кто осознает свою ответственность и трудится в этом направлении, называют сурами (божественными личностями), а тех, кто пренебрегает ею или даже не имеет о ней понятия, считают асурами, или демонами. С учетом сказанного, задача спасения для человека, озабоченного своим будущим, состоит в постепенном преодолении себя, своих земных привычек с тем, чтобы в последующих перерождениях возвыситься до кшатрия или брахмана, вплоть до прекращения индивидуального существования и слияния с Брахманом. На этом пути свобода заключается прежде всего в избегании грехов. В Упанишадах установлены категории грехов, за которые следует определенная кара, и указаны формы загробного воздаяния.

Злословящий становится ослом, осуждающий – собакой, пользующийся чужим – червем, завистник –

насекомым.

Ману 2:201

Постепенно космический принцип риты был распространён на законы и правила поведения человека в обществе, то есть на социальные нормы. В этом случае этот закон требовал от человека: правдивости, честности, верности долгу, храбрости, трудолюбия и т. п. Здесь важно отметить существенное различие между полезным и нравственным, которое с исключительной силой звучит в Гите. Это различие обнаруживает высокий моральный принцип превосходства общественного (кастового) долга (дхармы) над индивидуальным стремлением. (Дхарме противопоставлена адхарма, воплощающая хаос и отсутствие порядка.) Долг каждого – прежде всего следовать не разуму, а основным ценностям своей касты.

Четыре кардинальные ценности *индуизма* – четыре главных назначения человека – это дхарма, артха, ками и мокша.

Мокша – внутренняя свобода мистического созерцания, отрешенность, определяющая движение к полному освобождению от цепи перерождений.

Дхарма – универсальный принцип, согласно которому люди определяют свое поведение. Она – основа общественных законов, имеет нормативную функцию и различается для представителей разных классов. Нравственный порядок дхармы предписывает соблюдение кастовых и возрастных обязанностей и магически-ритуальный порядок, диктующий

форму ритуалов и жертвоприношений. Нравственность по дхарме – это жизненное поведение, определяемое кастой. В законах Ману учитывается, что добродетели распределены между людьми неравномерно: у представителей одних каст их больше, у других – меньше. Поэтому праведное исполнение религиозного и общественного долга, обычаи и обязанности определены для каждого индуиста в соответствии с кастой. Отметим, что дхарма как кастовый, групповой долг не принимала во внимание дарования и склонности отдельного человека. Следовало неуклонно выполнять законы своей касты, не пренебрегая своими обязанностями, даже если они оказываются сопряженными с грехом.

Лучше своя карма, плохо исполненная, чем хорошо исполненная чужая, так как живущий [исполнением] чужой кармы немедленно становится изгоем.

Ману 10; 97

В Бхагават-Гите о дхарме сказано: брахман, который вступил на путь самореализации, но, несмотря на искренние старания, не завершил процесс, получает повторную возможность и для этого будет рожден в семье брахмана или кшатрия. Иными словами, в следующий раз он получит высокое рождение, красивое тело и хорошее воспитание. Остальные, не брахманы, в награду за добродетельное поведение получают более высокое воплощение при очередном повороте «колеса жизни». При этом душа шудры может воплотиться в тело вайшьи, а вайшьи – в тело кшатрия. Уклонение от дхармы

влечет за собой более низкое возрождение.

В Бхагават-Гите настоятельно рекомендованы альтруистические действия, так как они в следующем рождении гарантируют человеческую форму жизни и, таким образом, еще один шанс, чтобы улучшить свое положение на пути к освобождению (Бхагават-Гита 18; 5, 9; 66, с. 755, 758).

Одаренные благостью идут к состоянию богов, одаренные страстью – к состоянию людей, одаренные темнотой – всегда к состоянию животных: таков тройкий вид перерождений.

Ману 12; 40

Каждой из упомянутых возможностей сопутствуют свои переживания: вечное наслаждение в мире дэвов, непрерывная борьба в мире асуров, беспомощность и порабощенность в мире животных, муки голода и жажды в мире претов, невыносимые жара и холод в аду, извращенность духовной жизни на Земле. Любопытно, что за грех, совершенный только в помыслах, следует воплощение в представителя низшей касты, за грех словесный – в животное, за греховный проступок – в неодушевленный предмет. (Отметим, что приведенное ранжирование показывает отчетливое понимание того, что поступок важнее слова, а слово значимее, чем мысль.)

Масштаб греха и шкала возможных проступков человека в *индуизме* представлены нравственным принципом ахимсы. Этот принцип имеет истоком единство мироздания. В соответствии с ахимсой все живые существа качественно едины

с Всевышним – в точности как все искры огня качественно едины с природой огня. Из ахимсы следует недопустимость насилия в отношении любого живого существа. Уважение ко всем живым существам явилось следствием веры в переселение душ. Это одно из важнейших положений *индуизма* (позднее заимствованное *буддизмом*). С позиции Упанишад, ближний – это не только человек, это любое живое существо. А раз так, то отдельные части Единого не причиняют боль друг другу. Принцип ахимсы порождает особую этику, выступающую в трех формах: смирение («не царь зверей»), универсальное сострадание и отречение от стремления к вознаграждению. Сострадание у индуистов скорее рассудочное, а не сочувствующее, которое им менее известно. Сострадание проявляется, когда человек способен никому не навязывать свои цели, быть доступным для любого человека и каждому обеспечить поддержку, в той мере, в какой он просит.

Отношение к действиям, осуществляемым для приобретения богатства, власти и благополучия – Артха, – взвешенное. Считается, что стремление к могуществу и богатству тоже может продвигать человека к самореализации, так как ведет к возрождению в человеческом виде. Как самое большое зло осуждалась зависть. В Упанишадах сказано: «Ты приобретешь, отдавая. Ты не должен завидовать».

Следствием ахимсы выступает развитие аскетизма, который и уберегает от всех опасностей для будущей жизни.

Неудивительно, что аскетизм получил особую популярность и наибольшее распространение в *индуизме*, чем в других мировых религиях. Самоограничение и умерщвление себя считались высшим идеалом. Особенно тяготели к нему кшатрии. (Вспомним, что только брахманы могли рассчитывать на хорошее перерождение, для кшатрия этот путь был более проблематичен.) В бегстве от мира находили кшатрии избавление от страха перед дурным будущим. Желание обрести блаженство по ту сторону жизни порождало стремление к отшельничеству. Именно среди кшатриев расцвело убеждение, что зрелые души, достигшие духовного развития, не стремятся к материальным выгодам и наслаждениям, а ищут вечную жизнь в аскезе.

Десять нравственных заповедей, представленных в законах Ману

1. Постоянство
2. Снисходительность
3. Смирение
4. Непохищение
5. Чистота
6. Обузданность чувств
7. Благоразумие
8. Знание веды
9. Справедливость
10. Негневливость

Эти заповеди должны исполняться всегда, членами всех

каст. (Сравните с Декалогом Моисея.) В этих законах описаны не только главные добродетели, но и система возмездия – три самых опасных типа греха, ведущих к неблагоприятному воплощению.

1. Грехи телесного действия: убийство, присвоение чужих вещей, нанесение вреда вопреки правилам, связь с чужой женщиной. Они ведут к перерождению в растение. «Не убий» – категорический императив. Запрещалось убивать безоружного, тяжело раненого или отступающего противника. Точно так же исключались самоубийства. Они рассматривались как великий грех. Однако есть и исключения.

Убивающий, защищая самого себя, при охране жертвенных даров или при защите женщин и брахмана по закону не совершает греха. Можно не колеблясь лишать жизни нападающего убийцу – даже гуру, ребенка, престарелого брахмана, весьма ученого в Ведах. Убийство убийцы, открытое или тайное, никогда не является для убивающего грехом, так как в этом случае бешенство нападает на бешенство (Ману 8; 349–351; 114, с. 177).

Запрещение определенных половых связей имело целью не подавление инстинктов, а искоренение страсти. Общее помрачение чувственными наслаждениями приводит к животному бытию. Например, всякий осквернивший брачную постель своего учителя возрождается в виде терновника или волчка. Уточнения наказаний обращают внимание на то, что убийца обращается в хищное животное, вор зерна обраща-

ется в крысу, вор мяса – в ястреба, убивший брахмана – в собаку или осла, брахман, который пьянствует или ворует, обращается в моль или ужа. Люди заблуждающиеся, занятые неблагими делами, и злодеи, доходящие до скотского состояния, вынуждены вращаться в «колесе жизни» снова и снова.

2. Грехи словесных действий – оскорбления и ложь, клевета и бессвязная болтовня. Они ведут к возрождению в птице или других животных. Не случайны качества, замечаемые у различных животных: хитрость, алчность, кровожадность. Они есть отражение качеств людей, воплотившихся при перерождении в телах тигров, шакалов, змей. Они разлучились с телом, обуюнные чувствами, характерными для этих животных.

3. Грехи умственных действий – это алчность к чужой собственности, размышления о чем-то дурном, приверженность ложному учению. Грехи этой группы определяют воплощение в человека низкой касты. (Опять отметим упорядоченность по значению для будущей жизни – мыслей, слов и поступков, где самыми влиятельными являются поступки, ведь последствия поступка отменить нельзя, а смягчить сказанное и передумать – можно.)

Как уже говорилось, один из путей к полному освобождению ведет через йогу, упоминаемую в Ведах, Махабхарате и Упанишадах. В Бхагават-Гите достаточно подробно описана как система йоги, так и условия медитации. Психологический аспект йоги состоит в самогипнозе, достигаемом

с помощью выполнения определенных правил. Смысл соответствующих йоговских упражнений состоял в планомерном углублении внимания и расширении области актуально осознаваемого. Успешность этого пути тесно связана с выполнением ряда жизненных ограничений. Достижение желаемого состояния требует не только неподвижности, сосредоточения взгляда на одной точке и задержки дыхания, но и постоянного удержания в уме значимых слогов, например магического слога «Ом», некоторых абстрактных понятий, а также выполнения этических требований.

Воздержание, выполнение нравственных предписаний подчеркивают этический аспект йоги. Для йогов запрещены азартные игры. Им надо полностью воздерживаться от сексуальной жизни. Кроме того, следует добиться исчезновения всяких желаний и чувства страха. Все эти условия позволяют контролировать свой ум. Уже на первых этапах движения по этому пути человек начинает практиковать ненасилие, то есть соблюдать принцип Ахимсы. Нравственная культура йоги требует полного контроля над чувствами, терпимости, простоты. Человек должен избегать причинения вреда кому-либо не только делом, но и словом, намерением. Согласно данному учению, грех порицается как препятствующий сосредоточению. Только указанные ограничения позволяют при медитации достичь состояния экстаза, помогающего человеку почувствовать себя причастным к Абсолюту. Человек, погруженный во временное отъединение от реаль-

ности, становится способным обозревать и земное и загробное. Йог лишь тогда достигает высшего понятия об истинной сущности, когда разум его получает способность отвлечения чувств от всех внешних предметов.

Законы Ману не защищали ни женщин, ни рабов. Специфично отношение к женщинам даже в высших кастах. По законам Ману брачный обряд для женщины приравнивался к ведийскому ритуалу посвящения мужчин, а служение мужу – к жизни мужчины в доме учителя; ведение домашнего хозяйства уподоблялось по важности поддержанию брахманами священного огня.

Женщиной – в детском возрасте, молодой или даже пожилой – никакое дело не должно исполняться по своей воле, даже в собственном доме.

В детстве ей полагается быть под властью отца, в молодости – мужа, по смерти мужа – под властью сыновей: пусть женщина никогда не пользуется самостоятельностью.

Ману 5; 147–148

При всех требованиях к нравственности о рабах законы Ману упоминают наряду со скотом. Рабов можно приобрести на войне, получить по дарственной или купить. Раб был существом, лишенным большинства человеческих прав. Основным занятием рабов было личное услужение в домах господ.

Заканчивая этот раздел, надо отметить, что в священ-

ных текстах дхарма для мужчины была общей с женой. Тем самым предусматривалась необходимость заключать браки внутри касты. Кроме того, в отличие от *иудаизма*, *христианства* и *ислама*, прозелитизм, то есть переход отдельных лиц в индуистскую религию, невозможен. Этому препятствует учение о кастах как о врожденных отличиях.

Учение о кастах

Когда разделили Пурушу, на сколько частей он был разделен?

Чем стали уста его, чем – руки, чем – бедра, ноги?

Брахманом стали его уста, руки – кшатрием, его бедра стали вайшьей, из ног возник шудра.
Ригведа 10; 90, 11–12

Догматы, обязательные для индуистов: признание священного авторитета Вед, учение о карме и переселении душ, вера в богом установленные касты – дхарму.

Человек может обрести спасение, только исполняя обязанности, соответствующие его положению в касте, в духе незаинтересованной преданности. Путь совершенствования – выполнение человеком общественного кастового долга. Чем же определяется этот кастовый долг? В Упанишадах и в законах Ману многократно повторяется тезис о божественном происхождении каст. При расчленении космического гиганта Пуруши, по воле Брахмы, возникли люди

разных каст. Они были изначально неравными. Учение о кастах представляет мир как упорядоченное целое, где всякое живое существо имеет свое место, покинуть которое оно не может. (Вместе с тем большинство историков считают, что когда ариями в глубокой древности вводилась кастовая система, то каста определялась родом занятий, и только с течением времени каста превратилась в потомственный социальный статус, связанный с множеством ограничений и правил.)

В Бхагават-Гите приводится дискуссия между воином и воплотившимся богом. Бог наставляет воина: он не должен руководствоваться побуждениями, продиктованными теми религиозными и нравственными нормами, которые не имеют отношения к его касте. Таким образом, карма отдельного человека как следствие всеобщего закона судьбы оказалась зависящей от исполнения или не исполнения норм, обязательных для представителя данной касты. Уклонение от выполнения своей дхармы может привести к тому, что душа человека возродится в оболочке животного или насекомого. При этом переход и в высшую касту не исключался полностью, поскольку благие дела, изменяя карму, не пропадают втуне. (По закону кармы душа индивида после его смерти может преодолеть кастовые различия и перейти в касту более высокую, родившись в другой касте, под новым именем и в новой форме.) Переход в высшую касту достижим путем религиозной самоотверженности и самоотдачи, неуклонно-

го исключения заинтересованности и страстных желаний, в том числе и стремления к новому перевоплощению. Страстность и хороших и плохих действий одинаково привязывает человека к череде перерождений. Поэтому любое действие он должен осуществлять отстраненно, «отбросив привязанность к плоду». Таким образом, цель существования индивидуума достигается не только следованием по одному из четырех путей, но и неуклонным выполнением общественного долга, определенного кастой.

Что определяло «деление» тела Пуруши? Самая чистая часть тела – голова. Поэтому уста его превратились в брахмана, ведь боги всегда говорят именно его устами. Руки Пуруши стали кшатриями, воинами. Бедрa – вайшьями, а из ног родились шудры. Каждая каста имеет своих божественных покровителей: Брахма – для брахманов, Индра – для кшатриев, Рудра – для вайшьев. Каждая каста получила не только своего бога, но и свои обязанности.

Обучение, изучение Вед, жертвоприношение для себя и других, раздача и получение милостыни были предписаны брахманам.

Охрану подданных, раздачу милостыни, жертвоприношение, изучение Вед, неприверженность мирским утехам он указал для кшатрия.

Выпас скота, жертвоприношение, раздачу милостыни, изучение Вед, торговлю, ростовщичество и земледелие – для вайши.

Но только одно занятие Владыка указал для шудры

– служение этим варнам со смирением.

Ману 1; 88–91

Из канонов явствует, что сначала все люди делятся на стоящих вне каст и людей, принадлежащих кастам. Внекастовые – люди нечистых ремесел. Кастовым запрещено с ними общаться, поэтому их выселяли на окраины деревень и городов. От внекастовых произошли парии и неприкасаемые.

Вторая дихотомия выделяет низшую касту – шудр. Они не имеют права на богатство, власть и участие в ритуалах. (Есть предположение, что шудры происходили от покоренных ариями дравидов.) Шудры не считались врагами, но от остальных каст их отделяла пропасть. Шудры названы «однажды рожденными», так как физическое рождение для них – единственное. Поскольку они не знают второго, духовного, рождения, то не имеют доступа к ритуалу. Шудры – слуги и ремесленники, обслуживающие высшие варны. Касте шудр и внекастовым был закрыт путь к религиозному спасению, слиянию с Брахмой. Им запрещалось вступать в брак с представителями высших каст. Ребенок, родившийся от шудры и брахманки, считался проклятым, отверженным существом, поскольку шудры не допускались к изучению священных книг. И все же жизнь шудр была более сносной по сравнению с жизнью париев.

Третья дихотомия отделяет варну вайшьев – имеющих власть над животными. Это земледельцы, скотоводы, торговцы. Наконец, четвертая дихотомия отделяет кшатриев – пра-

вителей и воинов, облеченных временной, земной властью, от обладателей духовной власти – брахманов. Кшатрий был обязан стать отважным, дальновидным, компетентным в административных обязанностях. Воинам особенно рекомендовалось отстраненное отношение к убийству, так как для них война является долгом и призванием. Принятие брахманами на себя обязанностей представителя иной касты является нравственным злом и угрозой стабильности общества. Поэтому брахман не должен быть причастен к административной власти, а только к духовной.

Члены трех высших каст – вайшьи, кшатрии и брахманы – считаются дважды рожденными, поскольку в возрасте 7–12 лет мальчики под руководством наставника приобщаются к священным текстам Вед, затем проходят обряд инициации, который и является их вторым, духовным рождением. Брахманы проходили обряд посвящения на седьмом (на восьмом – после зачатия) году жизни, кшатрии – на десятом, вайшьи – на одиннадцатом. (Интересно отметить представление о разной скорости возрастного развития и времени достижения зрелости представителей разных каст, что видно в отличиях возраста инициации.)

Инициация сопровождалась обрядом обрезания волос и надеванием священного шнура (надевался через левое плечо и носился пожизненно) и получением нового имени. (Как со шнуром, так и с присвоением второго имени мы встретимся еще неоднократно.) Таким образом, человек получал имя

два раза в жизни. Полученное при инициации он употреблял исключительно при общении с богом на молитве, а девушка получала новое имя, вступая в брак, и оно полностью заменяло первое. Внешне представители каст различались шнуром, одеждой, тростью. Брахманы имели хлопчатобумажный шнур, кшатрии – из волокон конопли, вайшьи – шерстяной, а шудры шнур не носили.

Брахман, согласно Ведам, был создан раньше кшатрия, следовательно, обладал привилегиями первородства. Считалось, что брахманы имели семь праотцов, испивших священную сому – сок Лунного растения и потому понявших тайну Вед. Это давало им право хранить и распространять высшие знания, совершать жертвоприношения, инициировать (посвящать) членов высших каст – дважды рожденных. Брахманы должны были тщательно выполнять очистительные церемонии, совершать длительные омовения по утрам и перед каждой трапезой, а также после каждого соприкосновения с нечистотой. Они должны были непременно соблюдать строгую вегетарианскую диету, не есть острых приправ, лука и чеснока, не пить алкогольных напитков. Поскольку считалось, что брахманы наделены магической силой, влияющей на мир духов, то медицинская практика была исключительно их правом.

Вера брахмана должна была основываться не на доверчивости, а на непосредственном самопознании. Он должен был стать независимым. С этой целью в течении жизни брахма-

нам следовало тщательно избегать всякого дела, зависящего от чужой воли, но то, что зависело от них самих, они должны были исполнять тщательно. Торговля как профессия являлась для них нарушением дхармы, но меньшим, чем занятие земледелием, поскольку в этом случае невозможно избежать зависимости – от общины в отношении орошения, землепользования и т. п. Главное занятие брахмана – изучать Веды и обучать других; «не знающий Вед брахман подобен бесплодному еврею». В законах Ману о привилегиях каст говорится:

Брахман, рождаясь для охраны сокровищ дхармы, занимает высшее место на земле как владыка всех существ. Брахман ест только свое, носит – свое и дает – свое; все другие люди существуют по милости брахмана.

Брахман, знающий Веды и кроткий с животными, отличается от других людей тем, что помнит прежнее рождение. Десятилетнего брахмана и столетнего царя следует считать отцом и сыном, но из них отец – брахман.

Ману 1, 99; 135

Жизненный путь брахмана разработан особенно подробно. В течение жизни он обязан последовательно осуществить три цели: накопить имущество, создать семью и, наконец, исполнить религиозный долг, уйдя от земных радостей в самозерцание, с целью слияния с Брахмой. Для продвижения по такому пути детей брахманов уже в 7 лет отдают на вос-

питание учителю – гуру. Целых 12 лет он живет вне дома и только годам к двадцати возвращается домой уже в звании йога. Под руководством гуру юный брахман учится отказываться от всех суетных земных притязаний. Он привыкает беспрекословно слушаться гуру, который передает ему Учение как некий священный огонь. Когда учитель брал нового ученика, он заботился не только о его духовном воспитании, но и принимал на себя его грехи, все, что могло в его карме послужить препятствием к желаемому перерождению. Никто не может аннулировать карму, но перенести ее на себя возможно, поэтому гуру брал на себя страдания ученика из-за кармы. После воспитания и обучения наступало второе рождение ученика – усыновление его гуру. С этого момента он становился дважды рожденным, так как считалось, что отец и мать порождают лишь тело, а учитель – духовную сущность.

Из двух отцов – дающего рождение и дающего знание Веды – почтеннее дающий знание Веды; ведь рождение, данное Ведой, вечно и после смерти, и в этом мире.

Ману 2; 146

С психологической точки зрения очень важно, что ученик из касты брахманов осуществлял духовное усвоение Вед не только вследствие почитания учителя, но на его примере. Гуру одновременно преподносил и знание священных текстов, и поведение в ритуалах. Транслировались не просто тексты, но и сложная система поведения, где текст прочно объеди-

нялся с действием. Этот метод показывал понимание того, что жизненным ценностям научиться нельзя, их нужно проживать. Сама личность учителя усиливала смысл священных текстов. Также нет способов передать смысл. Учитель показывает личный пример преданности делу истины. Ученик постигает Веды, заучивая их наизусть с голоса учителя. Обучение сопровождалось прививанием ученику правил хорошего тона. Обучающийся должен был выполнять много правил: соблюдать обет целомудрия, добывать себе пропитание сбором милостыни и всегда проявлять такт, скромность и сдержанность. Обратите внимание на то, что акцент делался на передаче личных качеств учителя. Специальными приемами в ученике возрождалась духовная сущность наставника. Неудивительно, что ученик был обязан пожизненно заботиться об учителе и его семье.

В присутствии гуру надо есть меньше (чем тот), носить худшую одежду и украшения; полагается раньше его вставать и позже ложиться. Нельзя не отвечать ему. Нельзя разговаривать с ним лежа или сидя, или принимая пищу, или отвернувшись. Надо стоять, когда гуру сидит, приближаться, когда тот стоит, идти навстречу приближающемуся, бежать вслед бегущему.

Ману 114, с. 48:2; 194–196

По окончании периода ученичества брахману выбривали голову, оставляя только косичку сзади, и для него начинался новый период жизни – «хозяина дома». Он возвращал-

ся к родителям, они женили его, отдавали ему дом, а сами уходили, вступая на аскетический этап своей жизни. Вступив в брак, брахман начинал самостоятельно вести домашнее хозяйство и ежедневно исполнять пять жертвоприношений: предкам – приношение воды и пищи; богам – возлияние на огонь коровьего масла; духам – разбрасывание остатков пищи; людям – гостеприимство. (Считалось, что «угощение гостя обеспечивает богатство, силу, долголетие и небесное блаженство...») Человек, устроивший свой очаг, вырастивший детей и дождавшийся внуков, считался выплатившим долг богам и предкам – он продолжил свой род и обеспечил сохранение законов и обычаев.

Таким образом, для брахманов были определены стадии жизни. Первая, до 7 лет – в доме родителей. Вторая, с 7 до 20 лет – обучение под руководством наставника (гуру), заучивание Вед и усвоение правил поведения. Третья, 20–50 лет – вступление в брак и ведение домашнего хозяйства. Домохозяином брахман оставался, пока не увидит внуков в доме и морщины и седину у себя. Тогда наступала четвертая стадия его жизни. Ему следовало отправиться в лес, с женой или без нее (в этом случае он поручал уход за ней детям). Когда он отказывался от семьи, то мог целиком сосредоточиться на заботах о собственной душе. Считалось, что на этой стадии человек мертв для мира, и даже проводилась церемония его гражданских похорон. После них он получал название саньясина. Затем он вновь становился учеником на-

ставника, который после долгих лет обучения и аскетизма осуществлял его последнее посвящение. С посохом, сосудом для воды, особой травой куши для подстилки он должен был странствовать один, без товарищей, в молчании и при полном небрежении к своей плоти; оставаясь бесстрастным и равнодушным ко всему, что его окружает. На этой стадии брахман проводил время в размышлениях и молитвах, достигая состояния мокши – полного освобождения от бесконечного цикла перерождения.

Венцом жизни брахмана считалась высшая ступень аскетизма и отшельничества. Медитация и отшельничество суть основные составляющие поисков спасения в завершающей стадии его жизни. Как видим, эти стадии определяли и время вступления в активную социальную деятельность, и время исключения из нее в конце пути. В книге законов Ману говорится, что если брахман начинает избегать всех чувственных удовольствий, он достигает блаженства, которое продолжится и после смерти. Но подобная надежда может породить высокомерие, так как брахман может возомнить себя земным богом, перед которым все остальные люди – ничто. Тем самым от брахмана требовалось определенное религиозное смирение, с тем чтобы не порождалось духовное высокомерие по отношению к прочим людям. Вместе с тем брахманы терпимы к суициду. В законах Ману упоминается, что брахман без страха и горя, освободившийся от своего тела при помощи одного из способов, завещанных святыми, считает-

ся достойным того, чтобы быть допущенным в местопребывание Брахмы.

Обряды и ритуалы

Из жертвоприношений те, что совершаются в соответствии с наставлениями шастр, из чувства долга, теми, кто не ждет наград, находятся в гуне добродетели.

Бхагават-Гита 17; 11

Для последователей *индуизма* обряды и ритуалы строго нормируют не только такие значимые события жизни, как зачатие, рождение, переход из одного периода в другой, женитьбу, родительское поведение, старость и смерть, но даже все ежедневные отправления – утреннее омовение, туалет и еду. Со дня рождения и до последнего вздоха все должно исполняться по строгим правилам и под угрозой отлучения от касты. Только благодаря жертвоприношению живы боги, и для их выполнения существуют люди. Через жертвоприношение богу человек обретает богатство, потомство и жизненный успех, а также силу и знание, выходящее за пределы жизни (96, с. 139).

Ранний *индуизм* отличало отсутствие публичного культа, и все ритуалы совершались в пользу лица, несущего издержки. Преданность богу проявлялась исключительно в индивидуальных действиях, тем более что исполнение ритуалов со-

средотачивалось главным образом в семье и обряды совершались в домах. Брахман являлся домашним жрецом. Его усилия всегда направлялись интересами какого-нибудь частного лица, за чей счет совершалась церемония. Именно в качестве домашнего священнослужителя у вождя или царя он приобретал социальный престиж и богатство. Позднее возникли и массовые церемонии, обряды, святилища, храмы и места паломничества. Однако культ *индуизма* оставался достаточно демократичным. Постепенно в нем развились ритуалы народного праздника, включающие в обряд игры, танцы, и песни. На праздниках и в процессах богослужения звуку и ритму придавалось чрезвычайно большое значение. Музыке и танцу приписывались очистительная сила и способность порождать самостоятельную творческую энергию, поэтому особо подчеркивалась роль пения гимнов и храмовых танцев.

Обряды *индуизма* можно разделить на относящиеся к прошлому, настоящему и будущему. К прошлому – поминальные жертвы предкам, к будущему – обряды ради здоровья и потомства, а к настоящему – по случаю рождения ребенка или вступления в брак.

Среди обрядов прежде всего рассмотрим жертвоприношение. Жертва освящает и фиксирует не только все важнейшие моменты повседневной жизни индуиста, но и охраняет его на протяжении всего существования, выступая посредником в его отношениях с богами, побуждая их помогать

ему. (Поскольку изначально боги не бессмертны и не всемогущи, а становятся такими только те, кто некогда выпил напиток бессмертия, то и в дальнейшем их бессмертие поддерживают люди, поднося им сому и возжигая жертвенные костры.) В раннем *индуизме*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.